This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

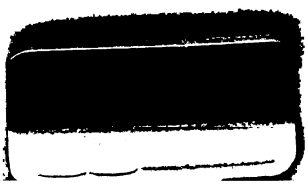
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 3433 07051813 3



*GDK

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій.

Мѣщане.

Сцены въ домѣ Бессѣменова.

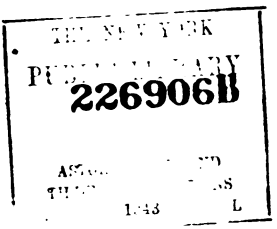
Драматическій эскизъ въ 4 актахъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тридцать шестая тысяча.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.


2269061

Типографія журн. «Искусство и Худож. Промышл.» Н. П. Собко. Почтамтская, 3.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БЕЗСѢМЕНОВЪ, Василій Васильевичъ, 58 лѣтъ, зажиточный мѣщанинъ, старшина малярнаго цеха.
АКУЛИНА ИВАНОВНА, жена его, 52 г.
ПЕТРЪ, бывшій студентъ, 26 л.
ТАТЬЯНА, школьная учительница, 28 л. } ихъ дѣти.
НИЛЪ, воспитанникъ Безсѣменова, машинистъ, 27 л.
ПЕРЧИХИНЪ, дальній родственникъ Безсѣменова, торговецъ пѣвчими птицами, 50 л.
ПОЛЯ, его дочь, швейка, работаетъ въ семьяхъ поденно, 21 г.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КРИВЦОВА, вдова смотрителя тюрьмы живетъ въ квартирѣ у Безсѣменовыхъ, 24 л.
ТЕТЕРЕВЪ, пѣвчій
ШИШКИНЪ, студентъ } нахлѣбники Безсѣменовыхъ.
ЦВѢТАЕВА, учительница, подруга Татьяны, 25 л.
СТЕПАНИДА, кухарка.
БАБА съ улицы.
МАЛЬЧИШКА, маляръ.
ДОКТОРЪ.

Мѣсто дѣйствія—маленькій провинціальный городъ.

ОБСТАНОВКА.

Комната въ зажиточномъ мѣщанскомъ домѣ. Ея правый уголъ отрѣзанъ двумя глухими переборками. Онѣ выступаютъ въ комнату прямымъ угломъ и, стѣсняя задній планъ ея, образуютъ на переднемъ еще маленькую комнату, отдѣленную отъ большой—деревянной аркой. Въ аркѣ протянута проволока, на ней виситъ пестрый занавѣсъ. Въ задней стѣнѣ большой комнаты—дверь въ сѣни и другую половину дома, гдѣ помѣщаются кухня и комнаты нахлѣбниковъ. Слѣва отъ двери—огромный, тяжелый шкафъ для посуды, въ углу сундукъ, справа старинные часы въ футлярѣ. Большой, какъ луна, маятникъ медленно качается за стекломъ и, когда въ комнатѣ тихо, слышится его бездушное: да, такъ! да, такъ! Въ лѣвой стѣнѣ—двѣ двери: одна въ комнату стариковъ, другая—къ Петру. Между дверями печь, облицованная бѣлыми изразцами. У печи старый диванъ, обитый клеенкой, предъ нимъ—большой столъ, на которомъ обѣдаютъ, пьютъ чай. Дешевые вѣнскіе стулья съ тошнотворной правильностью стоятъ у стѣнъ. Слѣва-же, у самаго края сцены—стеклянная горка, въ ней—разноцвѣтныя коробочки, пасхальныя яйца, пара бронзовыхъ подсвѣчниковъ, ложки чайныя и столовыя, нѣсколько штукъ серебряныхъ стаканчиковъ, стопокъ. Въ комнатѣ за аркой, у стѣны противъ зрителя—піанино, этажерка съ нотами, въ углу кадка съ филодендрономъ. Въ правой стѣнѣ—два окна, на подоконникахъ—цвѣты, у оконъ—кушетка, около нея у передней стѣны—маленькій столъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ, около пяти часовъ. Въ окна смотритъ осенній сумракъ. Въ большой комнатѣ—почти темно. Татьяна, полулежа на кушеткѣ, читаетъ книгу. Поля у стола—шьетъ.

ТАТЬЯНА *(читаетъ)*.

«Взошла луна. И было странно видѣть, что отъ нея, такой маленькой и грустной, на землю такъ много льется серебристо-голубого, ласковаго свѣта»... *(Бросаетъ книгу на колѣни)*.—Темно.

ПОЛЯ.

Зажечь лампу?

ТАТЬЯНА.

Не надо! Я устала читать...

ПОЛЯ.

Какъ это хорошо написано! Просто такъ... и грустно... за душу беретъ... *(Пауза)*. Ужасно хочется знать—какой конецъ? поженятся они—иль нѣтъ?

ТАТЬЯНА *(съ досадой)*.

Не въ этомъ дѣло...

ПОЛЯ.

А я бы такого не полюбила... нѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Почему?

ПОЛЯ.

Скучный онъ... И все жалуется... Неувѣренный, потому что... Мужчина долженъ знать, что ему нужно дѣлать въ жизни...

ТАТЬЯНА *(не громко).*

А... Нилъ—знаетъ?

ПОЛЯ *(увѣренно).*

Онъ знаетъ!

ТАТЬЯНА.

Что же?

ПОЛЯ.

Я... не могу вамъ этого разсказать... такъ просто, какъ онъ говоритъ... Но только дурнымъ людямъ... злымъ и жаднымъ—плохо будетъ отъ него! Не любитъ онъ ихъ.

ТАТЬЯНА.

Кто—дуренъ? И кто—хорошъ?

ПОЛЯ.

Онъ знаетъ!.. *(Татьяна молчитъ, не глядя на Полю. Поля улыбаясь беретъ книгу съ ея колѣнъ).* Хорошо это написано! Она очень ужъ привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вотъ какъ видишь женщину-то, въ миломъ образѣ описанную, такъ и сама себѣ лучше кажешься...

ТАТЬЯНА.

Какая наивная... смѣшная ты, Поля... А меня раздражаетъ вся эта исторія! Не было такой дѣвушки! И усадьбы, и рѣки, и луны, ничего такого не было! Все это выдумано. И всегда въ книгахъ описываютъ жизнь не такой, какая она на самомъ дѣлѣ... у насъ, у тебя, напримѣръ...

ПОЛЯ.

Пишутъ про интересное. А въ нашей жизни—какой интересъ?

ТАТЬЯНА

(не слушая, съ раздраженіемъ).

Мнѣ часто кажется, что книги пишутъ люди... которые не любятъ меня и... всегда спорятъ со мной. Какъ будто они говорятъ мнѣ: это лучше, чѣмъ ты думаешь, а вотъ это—хуже...

ПОЛЯ.

А я думаю, что всѣ писатели непремѣнно добрые... Посмотрѣла бы я на писателя!..

ТАТЬЯНА

(какъ бы сама съ собою).

Дурное и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я его вижу... а какъ-то особенно... болѣе крупно... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь совсѣмъ не трагична... она течетъ тихо, однообразно... какъ большая, мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно... голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ?

ПОЛЯ

(задумчиво глядя предъ собой).

Нѣтъ, я бы посмотрѣла на писателя. Вы читали, а я нѣтъ-нѣтъ да и подумаю—какой онъ? Молодой? старый? брюнетъ?..

ТАТЬЯНА.

Кто?

ПОЛЯ.

Вотъ этотъ писатель...

ТАТЬЯНА.

Онъ умеръ...

ПОЛЯ.

Ахъ... жалко какъ! Давно? Молодой?

ТАТЬЯНА.

Среднихъ лѣтъ. Онъ пилъ водку...

ПОЛЯ.

Бѣдненькій... *(Пауза).* И почему это — умные люди пьянствуютъ? Вотъ этотъ, нахлѣбникъ нашъ, пѣвчій... онъ вѣдь умный, а—пьетъ... почему это?

ТАТЬЯНА.

Жить скучно...

ПЕТРЪ

(заспанный, выходитъ изъ своей комнаты).

Экая тьма. Кто это сидитъ?

ПОЛЯ.

Я... и Татьяна Васильевна...

ПЕТРЪ.

Что-жъ вы огонь не зажжете?

ПОЛЯ.

Мы сумерничаемъ...

ПЕТРЪ.

Въ мою комнату отъ стариковъ запахъ деревяннаго масла проходитъ... Должно быть, отъ этого во снѣ я видѣлъ, будто плыву по какой-то рѣкѣ, а вода въ ней густая, какъ деготь... Плыть тяжело... и я не знаю— куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мнѣ какіе-то обломки, но когда я хватаюсь за нихъ, они разсыпаются въ прахъ... гнилые, трухлявые. Ерунда... *(Насвистывая, шагаетъ по комнатѣ).* Пора бы чай пить...

ПОЛЯ *(зажигаетъ лампу).*

Пойду, похлопочу... *(Уходитъ).*

ПЕТРЪ.

По вечерамъ у насъ въ домѣ какъ-то особенно... тѣсно и угрюмо. Всѣ эти допотопныя вещи какъ-бы выростаютъ, становятся еще крупнѣе, тяжелѣе... и, вытѣсняя воздухъ, мѣшаютъ дышать. *(Стучитъ рукой въ шкафъ).* Вотъ этотъ чуланъ восемнадцать лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ... восемнадцать лѣтъ... Говорятъ, жизнь быстро двигается впередъ... а вотъ шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершокъ... Маленькій я не разъ разбивалъ себѣ лобъ объ его твердыню... и теперь онъ почему-то мѣшаетъ мнѣ. Дурацкая штука... Не шкафъ, а какой-то символъ... чортъ бы его взялъ!

ТАТЬЯНА.

Какой ты скучный, Петръ... Тебѣ вредно жить такъ.

ПЕТРЪ.

Какъ это?

ТАТЬЯНА.

Ты нигдѣ не бываешь... Только на верху у Лены... каждый вечеръ. И это очень безпокоитъ стариковъ...

(Петръ, не отвѣчая, ходитъ и свищетъ).

Знаешь, я стала сильно уставать... Въ школѣ меня утомляетъ шумъ и безпорядокъ... здѣсь—тишина и порядокъ. Хотя у насъ стало веселѣе съ той поры, какъ переѣхала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздниковъ еще далеко... Ноябрь... Декабрь. *(Часы бьютъ шесть разъ).*

ВЕЗСѢМЕНОВЪ

(высовывая голову изъ двери своей комнаты).

Засвистали козаченьки! Прошеніе-то, поди-ка, опять не написалъ?

ПЕТРЪ.

Написалъ, написалъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Насилу-то удосужился... эхе-хе! *(Скрывается).*

ТАТЬЯНА.

Какое это прошеніе?

ПЕТРЪ.

О взысканіи съ купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сараѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА
(выходитъ съ лампой).

А на дворѣ-то опять дождикъ пошелъ. *(Подходитъ къ шкафу, достаетъ изъ него посуду и накрываетъ на столъ).* Холодно у насъ чего-то. Топили, а холодно. Старый домъ-то... продуваетъ... охо-хо! А отецъ-то, ребятишки, опять сердитый... поясницу, говоритъ, ломитъ у него. Тоже старый... а все неудачи, да непорядки... расходы большіе... забота.

ТАТЬЯНА *(брату).*

Ты вчера у Лены сидѣлъ?..

ПЕТРЪ.

Да...

ТАТЬЯНА.

Весело было...

ПЕТРЪ.

Какъ всегда... пили чай, пѣли... спорили...

ТАТЬЯНА.

Кто съ кѣмъ?

ПЕТРЪ.

Я съ Ниломъ и Шишкинымъ.

ТАТЬЯНА.

По обыкновенію...

ПЕТРЪ.

Да. Нилъ восторгался процессомъ жизни... ужасно онъ раздражаетъ меня... проповѣдью бодрости, любви къ жизни... Смѣшно! Слушая его, начинаешь представлять себѣ эту никому неизвѣстную жизнь... чѣмъ-то вродѣ американской тетушки, которая вотъ-вотъ явится и осыплетъ тебя разными благами... А Шишкинъ проповѣдывалъ пользу молока и вредъ табака... да уличалъ меня въ буржуазномъ образѣ мыслей.

ТАТЬЯНА.

Все одно и то же...

ПЕТРЪ.

Да, по обыкновенію...

ТАТЬЯНА.

Тебѣ... очень нравится Лена?

ПЕТРЪ.

Н-ничего... она славная... веселая...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Вертушка она! Зряшная ея жизнь! Каждый Божій день гости у нея, чаи да сахары... плясъ да пѣсня... а вотъ умывальника купить себѣ не можетъ! Изъ таза умывается, да на полъ воду хлещетъ... домъ-то гноитъ...

ТАТЬЯНА.

А я вчера была въ клубѣ... на семейномъ вечерѣ. Членъ городской управы Сомовъ, попечитель моей школы, едва кивнулъ мнѣ головой... да. А когда въ залъ вошла содержанка судьи Романова, онъ бросился къ ней, поклонился, какъ губернаторшѣ, и поцѣловалъ руку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Экой безстыдникъ, а? Гдѣ бы взять честную дѣвушку подъ ручку, да уважить ее, поводить ее по залѣ-то вальяжненько, на людяхъ-то...

ТАТЬЯНА *(брату).*

Нѣтъ, ты подумай. Учительница, въ глазахъ этихъ людей, заслуживаетъ меньше вниманія, чѣмъ распутная, раскрашенная женщина...

ПЕТРЪ.

Не стоитъ замѣчать такихъ... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты почему знаешь? Лизалъ ей щеки-то? Сестру обидѣли, а онъ за обидчицу заступается...

ПЕТРЪ.

Мамаша! Будетъ вамъ...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, при матери совершенно нельзя говорить... *(За дверью въ сѣняхъ слышны тяжелые шаги).*

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петръ, чѣмъ шаги-то вышагивать, самоваръ втащилъ... а то Степанида жалуется—тяжело дескать...

СТЕПАНИДА

(выноситъ самоваръ, ставитъ его на полъ около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говоритъ хозяйкѣ).

Ну, и какъ вамъ будетъ угодно, а только опять говорю—силъ моихъ нѣтъ лѣшаго этакого таскать,—ноженьки подламываются...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Что-же—особаго человѣка нанять прикажешь?

СТЕПАНИДА.

Какъ хотите! Пускай пѣвчій носитъ—что ему? Петръ Васильичъ, поставь на столъ самоваръ, ей, ей, мочи нѣтъ!

ПЕТРЪ.

Ну, давай... эхъ!

СТЕПАНИДА.

Спасибо. *(Уходитъ).*

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ, Петя, скажи-ка ты пѣвчему-то, пусть бы онъ самоваръ-отъ подавалъ? Право...

ТАТЬЯНА *(тоскливо вздыхаетъ).*

О Боже мой...

ПЕТРЪ.

А не сказать-ли ему, чтобъ онъ воду носилъ, полы мылъ, трубы чистилъ и, кстати ужъ, бѣлье стиралъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(съ досадой отмахивается отъ него рукой).

Что зря говорить? Все это своимъ порядкомъ и безъ него дѣлаютъ... А самоваръ внести...

ПЕТРЪ.

Мамаша! Каждый вечеръ вы поднимаете сей роковой вопросъ,—вопросъ о томъ, кому носить самоваръ. И повѣрьте, что вопросъ этотъ пребудетъ не разрѣшеннымъ до той поры, пока вы не наймете дворника.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

На кой шутъ онъ нуженъ, дворникъ? Отецъ самъ дворъ убираетъ...

ПЕТРЪ.

И это называется—скряжничествомъ. А скряжничать не хорошо, имѣя въ банкѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ш-ш! Никшни! Отецъ услышитъ—онъ те задастъ банкъ! Ты въ банкъ-то деньги вложилъ?

ПЕТРЪ.

Послушайте!

ТАТЬЯНА *(вскакивая).*

Петръ, да оставь хоть ты... вѣдь терпѣнья не хватаетъ...

ПЕТРЪ *(подходя къ ней).*

Ну, не кричи! Незамѣтно для себя втягиваешься въ эти споры...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

ПЕТРЪ.

Изо дня въ день—одно и то же... На душу отъ этихъ преній садится какая-то копоть, ржавчина...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(кричитъ въ дверь своей комнаты).

Отецъ! Иди чай пить...

ПЕТРЪ.

Когда истечетъ срокъ моего отлученія отъ университета, я уѣду въ Москву и, какъ прежде, буду пріѣзжать сюда на недѣлю, не больше. За три года университетской жизни я отвыкъ отъ дома... отъ всего этого крохоборства и мѣщанской суеты... Хорошо жить одному, внѣ прелестей родного крова!..

ТАТЬЯНА.

А мнѣ вотъ некуда ѣхать...

ПЕТРЪ.

Я говорю тебѣ—поѣзжай на курсы...

ТАТЬЯНА.

Ахъ, зачѣмъ мнѣ курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(снимая чайникъ съ самовара, обожгла руку и вскрикиваетъ).

Ахъ, пострѣли-те горой!

ТАТЬЯНА *(брату).*

И я не знаю, не представляю—что значитъ жить? Какъ я могла бы жить?

ПЕТРЪ *(задумчиво).*

Н-да, жить надо умѣючи... осторожно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(выходитъ изъ своей комнаты и, оглядѣвъ дѣтей, садится за столъ).

Нахлѣбниковъ звали?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Позови-ка...

(Петръ уходитъ. Татьяна идетъ къ столу).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Опять пиленаго сахару купили? Сколько разъ я говорилъ...

ТАТЬЯНА.

Ну, не все ли равно, папаша?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я говорю не тебѣ, а матери. Тебѣ, я знаю, все равно.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Всего фунтъ купила я, отецъ. Цѣлая голова есть, только не успѣли расколоть... не сердись!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я не сержусь... Я говорю—пиленый сахаръ тяжелъ и не сладокъ, стало быть, не выгоденъ. Сахаръ всегда нужно покупать головой... и колоть самимъ. Отъ этого будутъ крошки, а крошки въ кушанье идутъ. И сахаръ самый-онъ легкій, сладкій... *(Дочери).* Ты чего морщишься, да вздыхаешь?

ТАТЬЯНА.

Ничего, ничего... такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А коли ничего, такъ незачѣмъ и вздыхать. Неужто отцовы слова такъ тяжело слушать? Не для себя ради, а для васъ же молодыхъ говорилъ. Мы свое прожили, вамъ—жить. А когда глядишь на васъ, то не понимаешь, какъ, собственно, вы жить думаете? Къ чему у васъ намѣренія? Нашъ порядокъ вамъ не нравится, это мы видимъ, чувствуемъ... а какой свой порядокъ вы придумали? Вотъ онъ, вопросъ? Н-да...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Подумайте, который разъ говорите вы мнѣ это?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И еще, и безъ конца, до гроба говорить буду! Ибо—обезпокоенъ я въ моей жизни. Вами обезпокоенъ... Зря, не подумавши хорошо, пустилъ я васъ въ образованіе... Вотъ—Петра выгнали, ты—въ дѣвкахъ сидишь.

ТАТЬЯНА.

Я работаю... Я...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Слыхалъ. А кому польза отъ этой работы? Двадцать пять рублей твои—никому не надобны и тебѣ самой. Выходи замужъ, живи законнымъ порядкомъ,—я самъ тебѣ пятьдесятъ въ мѣсяцъ платить буду...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(все время разговора отца съ дочерью безпокойно вертится на стулѣ, нѣсколько разъ пытается что-то сказать и, наконецъ, ласково спрашиваетъ).

Отецъ, ватрушечки... не хочешь-ли? Отъ обѣда остались... а?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(оборачивается къ ней, смотритъ на нее сначала сердито и потомъ, улыбаясь въ бороду, говоритъ).

Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе, хе! *(Акулина Ивановна бросается къ шкафу, а Безсѣменовъ говоритъ дочери).* Видишь мать-то, какъ утка отъ собаки птенцовъ своихъ, васъ отъ меня защищаетъ... Все дрожитъ, все боится, какъ бы я словомъ-то не ушибъ васъ... Ба, птичникъ! Явился, пропащій!

ПЕРЧИХИНЪ

(является въ дверяхъ, за нимъ молча входитъ Поля).

Миръ сему дому, хозяину сѣдому, хозяйкѣ-красоткѣ, чадамъ ихъ любезнымъ—во вѣки вѣковъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

У тебя опять разрѣшеніе вина?

ПЕРЧИХИНЪ.

Съ горя!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Съ какого это?

ПЕРЧИХИНЪ

(разсказываетъ, здоровался).

Зяблика продалъ сегодня... Три года держалъ птицу, тирольской трелью пѣла,—продалъ! Почувствовалъ себя за этотъ поступокъ низкимъ человѣкомъ и—растрогался. Жаль птицу, привыкъ... любилъ...

(Поля, улыбаясь, киваетъ отцу головой).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А зачѣмъ продавалъ, коли такъ?

ПЕРЧИХИНЪ

(придерживаясь за спинки стульевъ, ходитъ вокругъ стола).

Цѣну хорошую дали...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А что тебѣ деньги? Все равно промотаешь...

ПЕРЧИХИНЪ *(улыбаясь).*

Вѣрно, мать. Деньги мнѣ не къ рукамъ... вѣрно!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Значитъ, опять-таки не было резона продавать...

ПЕРЧИХИНЪ.

Былъ резонъ. Слѣпнуть стала птица... стало быть, скоро помретъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(усмѣхаясь).*

Ты однако не совсѣмъ дуракъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Рази я это отъ ума поступилъ? Это отъ низости натуры моей...

(Петръ и Тетеревъ входятъ).

ТАТЬЯНА.

А Нилъ гдѣ?

ПЕТРЪ.

Ушелъ съ Шишкинымъ на репетицію.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Гдѣ это они играть хотятъ?

ПЕТРЪ.

Въ манежѣ. Спектакль для солдатъ.

ПЕРЧИХИНЪ *(Тетереву)*.

Божьей дудкѣ — почтеніе. Синицъ ловить идемъ, дядя?

ТЕТЕРЕВЪ.

Можно. А когда?

ПЕРЧИХИНЪ.

Хоть завтра.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не могу. Покойникъ есть...

ПЕРЧИХИНЪ.

До обѣдни.

ТЕТЕРЕВЪ.

Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь отъ обѣда? Каши или въ этомъ родѣ чего-либо.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ка тамъ...

(Поля уходитъ).

ТЕТЕРЕВЪ.

Премного благодаренъ, ибо сегодня, какъ вамъ это извѣстно, не обѣдалъ я по случаю похоронъ и свадьбы...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю, знаю...

(Петръ, взявъ налитый стаканъ, уходитъ въ комнату за аркой, сопровождаемый испытующимъ взглядомъ отца и недружелюбнымъ Тетерева. Нѣсколько секундъ всѣ пьютъ и ѣдятъ молча).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А хорошо ты, Терентій Хрисанфычъ, заработаешь въ этомъ мѣсяцѣ. Почти каждый день покойникъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Везетъ... ничего.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И свадьбы часто...

ТЕТЕРЕВЪ.

И женятся усердно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ накопи деньжатъ, да и самъ женись.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не хочется...

(Татьяна уходитъ къ брату и между ними начинается тихая бесѣда).

ПЕРЧИХИНЪ.

Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни къ чему. Лучше пойдемъ снигирей ловить...

ТЕТЕРЕВЪ.

Согласенъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Расчудесное это занятіе — снигирей ловить! Только что снѣгъ выпалъ, земля словно въ пасхальную ризу

одѣта... чистота, сіяніе и кроткая тишина вокругъ... Особенно ежели день солнечный — душа поетъ отъ радости! На деревьяхъ еще осенній листъ золотомъ отливаетъ, а ужъ вѣтки серебрецомъ снѣжка припухлаго присыпаны. И вотъ на этакую умилительную красоту— гурлы! гурлы!—вдругъ съ небесъ чистыхъ стайка красныхъ птичекъ опустится, цви! цви! цви! и словно маки расцвѣтутъ. Малешенькія эдакія пичужки, степенныя, вродѣ генераловъ. Ходятъ и ворчатъ и скрипятъ— умиленіе души! Самъ бы въ снигиря обратился, чтобы съ ними порыться въ снѣгу... эхъ!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Глупая птица—снигирь.

ПЕРЧИХИНЪ.

Я самъ глупый...

ТЕТЕРЕВЪ.

Разсказано хорошо...

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(Перчихину)*.

Младенецъ ты...

ПЕРЧИХИНЪ.

Люблю птичекъ ловить! Что есть на свѣтѣ лучше пѣвчей птицы?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А ловить ее, птицу-то, грѣхъ. Знаешь?

ПЕРЧИХИНЪ.

Знаю. Но ежели люблю и ничего кромѣ дѣлать не умѣю. Я такъ полагаю, что всякое дѣло любовью освящается...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Всякое?

ПЕРЧИХИНЪ.

Всякое!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А ежели кто любитъ чужую собственность прикарманивать?

ПЕРЧИХИНЪ.

Это ужъ будетъ не дѣло, а воровство.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мм... Оно пожалуй...

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(зѣвая).*

Охо-хо! Скушно что-то... И какъ это по вечерамъ скушно всегда... Хоть бы ты, Терентій Хрисанфовичъ, гитару свою принесъ, да поигралъ бы...

ТЕТЕРЕВЪ *(спокойно).*

При наймѣ мною квартиры, достопочтенная Акулина Ивановна, я не бралъ на себя обязанности увеселять васъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(не разобравъ).*

Какъ ты сказалъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Громко и внятно.

БЕЗСѢМЕНОВЪ
(съ удивленіемъ и досадой).

Смотрю я на тебя, Терентій Хрисанфовичъ, и дивуюсь. Человѣкъ ты... извини за выраженіе, совсѣмъ... никудышный... никчёмный, но гордость въ тебѣ—чисто барская. Откуда бы?

ТЕТЕРЕВЪ *(спокойно).*

Врожденная...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чѣмъ же ты гордишься-то, скажи на милость?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Такъ это онъ, чудачитъ все. Какая въ немъ гордость можетъ быть?

ТАТЬЯНА.

Мама!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(встрепенувшись).

А? Ты что?

(Татьяна укоризненно качаетъ головой).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Али я опять не такъ сказала? Ну, инъ буду молчать... Богъ съ вами.

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(обиженный).*

Ты, мать, осторожнѣе выражай свои мысли. Мы живемъ среди лицъ образованныхъ. Они на все могутъ навести критику съ точки науки и высшихъ свойствъ ума. А мы съ тобой люди старые, глупые...

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(миролюбиво).*

Что ужъ тамъ! Конечно ужъ... они вѣдь знаютъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

А это ты, братъ, вѣрно сказалъ. Хоть и въ шутку, а вѣрно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я не въ шутку...

ПЕРЧИХИНЪ.

Погоди! Старики—дѣйствительно глупый народъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Особенно какъ на тебя посмотришь.

ПЕРЧИХИНЪ.

Я—не въ счетъ. Я даже такъ полагаю: не было-бы стариковъ—не было-бы и глупости... Старый человѣкъ думаетъ, какъ сырое дерево горитъ: больше чаду, чѣмъ огня...

ТЕТЕРЕВЪ *(улыбаясь).*

Одобряю...

(Поля молча смотритъ на отца и гладитъ его плечо рукой).

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(угрюмо).*

Такъ, такъ! Ну, ври дальше...

(Петръ и Татьяна, прерывая свою бесѣду, съ улыбкой смотрятъ на Перчихина).

ПЕРЧИХИНЪ

(воодушевленно болтаетъ).

Старики, главное дѣло, упрямые! Онъ, старикъ, и видитъ, что ошибся и чувствуетъ, что ничего не понимаетъ, но сознаться въ томъ—не можетъ. Гордость! Жилъ, дескать, жилъ, однихъ штановъ, можетъ, сорокъ штукъ износилъ и вдругъ—понимать пересталъ! Какъ такъ? Обидно. Ну, онъ свое и долбитъ: я старъ, я правъ. А куда ужъ? Умъ сталъ тяжелый у него... А у молодыхъ—умъ быстрый, легкій...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(грубо).*

Ну, ты заврался однако... Ты вотъ что мнѣ скажи: коли мы глупые, стало быть — надо насъ учить уму-разуму?

ПЕРЧИХИНЪ.

Гдѣ тамъ? Въ камни стрѣлять—стрѣлы терять...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрые-то умы по угламъ отъ насъ, стариковъ, разбѣгаются, да оттуда смѣшныя рожи показываютъ, а говорить съ нами не хотятъ? Вотъ ты и подумай... И я пойду подумаю... одинъ, коли глупъ я для вашей компаніи... *(Съ шумомъ отодвигаетъ свой стулъ и въ дверяхъ своей комнаты говоритъ)*... образованныя мои дѣти... *(Пауза).*

ПЕРЧИХИНЪ

(Петру и Татьянѣ).

Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

ПОЛЯ *(улыбаясь).*

Да это ты его обидѣлъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Я? въ жизнь ни разу никого не обижалъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Эхъ, братцы! Не хорошо у насъ... За что старика обидѣли? Всѣ надутые, всѣ недовольные... а онъ—старъ, ему покой нуженъ... его уважать надо-бы... Вѣдь отецъ... Пойду къ нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

ТАТЬЯНА *(подходя къ столу).*

И за что на насъ разсердился отецъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(въ дверяхъ).*

А ты больше бѣгай отъ него... умная!

(Поля моетъ посуду, а Тетеревъ, облокотясь о столъ, тяжелымъ взглядомъ смотритъ ей въ лицо. Перчихинъ идетъ къ Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходитъ въ свою комнату).

ПОЛЯ *(Тетереву).*

Вы что смотрите на меня... такъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Такъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

О чемъ думаешь, Петя?

ПЕТРЪ.

Куда бы уйти...

ПЕРЧИХИНЪ.

Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мнѣ, пожалуйста, что такое канализація?

ПЕТРЪ.

Ну зачѣмъ тебѣ? Разсказывать это такъ, чтобы ты ясно понялъ—долго... и скучно...

ПЕРЧИХИНЪ.

А ты самъ-то знаешь все-таки?

ПЕТРЪ.

Знаю...

ПЕРЧИХИНЪ

(недовѣрчиво глядя въ лицо Петра).

Мм...

ПОЛЯ.

Какъ долго не идетъ Нилъ Васильевичъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Какіе у васъ хорошіе глаза.

ПОЛЯ.

Вы это и вчера говорили.

ТЕТЕРЕВЪ.

Скажу и завтра...

ПОЛЯ.

Зачѣмъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

А не знаю... Вы. можетъ быть, думаете, что я влюбленъ въ васъ?

ПОЛЯ.

Господи! Ничего я не думаю.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего? Жаль! Вы подумайте...

ПОЛЯ.

Да... о чемъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну, хоть бы о томъ, чего ради я пристаю къ вамъ? Подумайте и скажите мнѣ...

ПОЛЯ.

Какой вы чудакъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Знаю... Вы говорили мнѣ это. Я тоже повторяю вамъ: уходите отсюда! Вамъ вредно бывать въ этомъ домѣ... уходите!

ПЕТРЪ.

Вы объясняетесь въ любви? Можетъ быть, мнѣ уйти?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, не безпокойтесь! Я не считаю васъ предметомъ одушевленнымъ...

ПЕТРЪ.

Не остроумно.

ПОЛЯ *(Тетереву)*.

Какой вы задира!

(Тетеревъ отходитъ въ сторону и внимательно прислушивается къ разговору Петра и Перчихина).

ТАТЬЯНА

(выходитъ изъ своей комнаты, кутаясь въ шаль, садится за піанино и спрашиваетъ, разбирая ноты).

Нилъ еще не пришелъ?

ПОЛЯ.

Нѣтъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Скушновато... Да, вотъ что, Петя: прочиталъ я прошлый разъ въ листкѣ, будто въ Англіи летающіе корабли выстроены. Корабль, будто, какъ слѣдуетъ быть, но ежели сѣлъ ты на него, надавилъ эдакую кнопку—фію! сейчасъ это поднимается онъ птицей подъ самыя подъ облаки и уноситъ человѣка неизвѣстно куда... Будто очень многіе англичаны безъ вѣсти пропали. Вѣрно это, Петя?

ПЕТРЪ.

Ерунда!

ПЕРЧИХИНЪ.

А печатаютъ...

ПЕТРЪ.

Мало ли ерунды печатаютъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Много развѣ?

(Татьяна тихо наигрываетъ что-то грустное).

ПЕТРЪ *(съ досадой).*

Конечно, много!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ты не сердись. И что это, въ самомъ дѣлѣ, всѣ вы, молодые, на насъ, подержанныхъ людей, свысока глядите? И даже никакъ говорить не желаете? Не хорошо!

ПЕТРЪ.

Дальше...

ПЕРЧИХИНЪ.

Дальше вижу я, что надо мнѣ уходить. Надоѣлъ. Поля, ты скоро домой пойдешь?

ПОЛЯ.

Вотъ уберу только... *(Выходитъ изъ комнаты, сопровождаемая взглядомъ Тетерева).*

ПЕРЧИХИНЪ.

Н-да... Забылъ ты, Петя, какъ мы съ тобой, бывало, чижиковъ ловили. Въ ту пору любилъ ты меня...

ПЕТРЪ.

Я и теперь...

ПЕРЧИХИНЪ.

Вижу, чувствую... какъ ты теперь!

ПЕТРЪ.

Я въ ту пору леденцы и пряники любилъ, а теперь въ ротъ не беру...

ПЕРЧИХИНЪ.

Понимаю... Дядя Терентій! Идемъ пиво пить?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не расположенъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Ну, я одинъ. Въ кабачкѣ — весело. Въ кабачкѣ — просто. А у васъ съ тоски помрешь, не въ комплиментъ вамъ будь сказано. Ничего вы не дѣлаете... никакихъ склонностей не имѣете... А то давайте въ карты играть? Въ свои козыри? Какъ разъ четверо? *(Тетеревъ смотритъ на Петра и улыбается).*

Не желаете? Ну, воля ваша... Стало быть, прощайте! *(Подходя къ Тетереву, щелкаетъ себя по горлу).* Идемъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ...

(Перчихинъ уходитъ, безнадежно махая рукой. Нѣсколько секундъ тишины. Отчетливо слышны тихія ноты пьесы, которую медленно разбираетъ Татьяна. Петръ, лежа на кушеткѣ, вслушивается и насвистываетъ мелодію. Тетеревъ встаетъ со стула и ходитъ по комнатѣ. Въ сѣняхъ, за дверью, съ громомъ падаетъ что то желѣзное — ведро или самоварная труба. Слышенъ голосъ Степаниды: «куда-те чортъ понесъ»)...

ТАТЬЯНА *(не прерывая игры).*

Какъ долго Нилъ не приходитъ...

ПЕТРЪ.

Никто не идетъ...

ТАТЬЯНА.

Ты ждешь Елену?..

ПЕТРЪ.

Кого-нибудь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Никто къ вамъ не придетъ...

ТАТЬЯНА.

Какой вы всегда мрачный...

ТЕТЕРЕВЪ.

Никто не придетъ къ вамъ, ибо у васъ нечего взять...

ПЕТРЪ.

Такъ говоритъ Терентій Богословскій...

ТЕТЕРЕВЪ *(настойчиво).*

Замѣчаете-ли вы, что у пьяненькаго, подержаннаго птичника — живъ духъ и жива душа его, тогда какъ вы оба, стоя на порогѣ жизни, полумертвы?

ПЕТРЪ.

А вы? Вы о себѣ какого мнѣнія?

ТАТЬЯНА *(вставая со стула).*

Господа, оставьте! Вѣдь ужъ это было, было! Вы спорили объ этомъ...

ПЕТРЪ.

Мнѣ нравится вашъ стиль, Терентій Хрисанфовичъ... И нравится ваша роль—роль судьи всѣхъ насъ... Но я желалъ бы понять—почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда такъ, точно читаете намъ акафистъ за упокой...

ТЕТЕРЕВЪ.

Таковыхъ акафистовъ не бываетъ...

ПЕТРЪ.

Ну, все равно. Я хочу сказать—вотъ вы не любите насъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Очень...

ПЕТРЪ.

Спасибо за откровенность.

(Входитъ Поля).

ТЕТЕРЕВЪ.

Кушайте на здоровье.

ПОЛЯ.

Чѣмъ вы угощаете?

ТАТЬЯНА.

Дерзостями...

ТЕТЕРЕВЪ.

Правдой...

ПОЛЯ.

А я хочу идти въ театръ... Не пойдетъ-ли кто со мной?

ТЕТЕРЕВЪ.

Я...

ПЕТРЪ.

Что сегодня?

ПОЛЯ.

«Вторая молодость»... Идемте, Татьяна Васильевна?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ... Я въ этотъ сезонъ едва-ли буду ходить въ театръ. Надоѣло. Меня злятъ, раздражаютъ всѣ эти драмы съ выстрѣлами, воплями, рыданіями. *(Тетеревъ ударяетъ пальцемъ по клавишѣ піанино и по комнатѣ разливается густой, печальный звукъ).* Все это неправда. Жизнь ломаетъ людей безъ шума, безъ криковъ... безъ слезъ... незамѣтно...

ПЕТРЪ *(угрюмо).*

Разыгрываютъ драмы на тему о страданіяхъ любви и никто не видитъ тѣхъ драмъ, которыя терзаютъ душу человѣка, стоящаго между «хочу» и «долженъ»...

(Тетеревъ, улыбаясь, продолжаетъ бить по клавишамъ басовъ).

ПОЛЯ *(смущенно улыбаясь).*

А мнѣ нравится въ театрѣ... ужасно. Вотъ, напримѣръ, Донъ Сезарь-де-Базанъ, испанскій дворянинъ... удивительно хорошо! Настоящій герой...

ТЕТЕРЕВЪ.

Я похожъ на него?

ПОЛЯ.

Ой, что вы! Совсѣмъ ни капли!..

ТЕТЕРЕВЪ *(ухмыляясь).*

Эхъ... жаль!

ТАТЬЯНА.

Когда актеръ на сценѣ объясняется въ любви, я слушаю и злюсь... Вѣдь этого не бываетъ, не бываетъ!..

ПОЛЯ.

Ну, я иду... Терентій Хрисанфовичъ,—идете?

ТЕТЕРЕВЪ

(перестаетъ трогать клавиши).

Нѣтъ. Я не пойду съ вами, если вы не находите во мнѣ ничего общаго съ испанскимъ дворяниномъ...

(Поля, смѣясь, уходитъ)...

ПЕТРЪ *(глядя вслѣдъ ей).*

Что ей испанскій дворянинъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Она чувствуетъ въ немъ здороваго человѣка...

ТАТЬЯНА.

Онъ красиво одѣтъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

И веселъ... Веселый человѣкъ—всегда славный человѣкъ... Подлецы рѣдко бываютъ веселыми людьми.

ПЕТРЪ.

Ну, съ этой точки зрѣнія вы должны быть величайшимъ злодѣемъ на землѣ...

ТЕТЕРЕВЪ

(снова начиная извлекать изъ піанино густые, тихіе звуки).

Я просто—пьяница, не больше. Вы знаете, почему въ Россіи много пьяницъ? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяницъ у насъ любятъ. Новатора, смѣлаго человѣка—ненавидятъ, а пьяницъ—любятъ. Ибо всегда удобнѣе любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чѣмъ что-либо крупное, хорошее.

ПЕТРЪ

(расхаживая по комнатѣ).

У насъ въ Россіи... у насъ въ Россіи... Какъ это странно звучитъ. Развѣ Россія—наша? Моя? Ваша? Что такое—мы? Кто мы?

ТЕТЕРЕВЪ *(напѣваетъ).*

Мы во-ольныя птицы...

ТАТЬЯНА.

Герентій Хрисанфовичъ! Перестаньте, пожалуйста, звонить... ужъ очень погребально...

ТЕТЕРЕВЪ *(продолжая).*

Я аккомпанирую настроенію...

(Татьяна съ досадой выходитъ изъ комнаты въ сѣни).

ПЕТРЪ *(задумчиво).*

Н-да... Вы... въ самомъ дѣлѣ перестаньте, это разстраиваетъ нервы... Я думаю, что когда французъ или англичанинъ говоритъ: «Франція», «Англія», онъ непремѣнно представляетъ себѣ за этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю—«Россія» и—чувствую, что для меня это звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое либо ясное содержаніе. *(Пауза. Тетеревъ звонитъ).* Есть много словъ, которыя произносишь по привычкѣ, не думая о томъ, что скрыто за ними... Жизнь... Моя

жизнь... Чѣмъ наполняются эти два слова? *(Молчитъ, расхаживая. Тетеревъ, тихо ударяя по клавишамъ, наполняетъ комнату стонущими звуками струнъ и съ улыбкой, застывшей на его лицѣ, слѣдитъ за Петромъ)*... Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился... перестаньте звонить, пожалуйста. Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать Римское право, я не чувствовалъ... нѣтъ! По совѣсти... нѣтъ, не чувствовалъ. Я чувствовалъ режимъ товарищества... и уступилъ ему. Вотъ два года моей жизни вычеркнуто... да. Это насиліе! Насиліе надо мной—не правда-ли? Я думалъ: кончу учиться, буду юристомъ, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!..

ТЕТЕРЕВЪ

(иронически подсказываетъ).

Родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, въ роли покорнаго слуги общества...

ПЕТРЪ.

Общество? Вотъ что я ненавижу. Оно все повышаетъ требованія къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій... Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!—кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей. Я былъ гражданиномъ... чортъ ихъ возьми!.. Я... не хочу... не обязанъ подчиняться требованіямъ общества. Я личность. Личность свободна... Слушайте! Бросьте это... этотъ чортовъ звонъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Я же аккомпанирую вамъ... мѣщанинъ, бывшій гражданиномъ полчаса? *(Шумъ за дверями въ сѣняхъ).*

ПЕТРЪ *(раздраженно).*

Вы... не издѣвайтесь!

(Тетеревъ, вызывающе глядя на Петра, продолжаетъ звонить. Входятъ Нилъ, Елена, Шишкинъ, Цвѣтаева и вслѣдъ за ними Татьяна).

ЕЛЕНА.

Что значитъ этотъ звонъ погребальный? Здравствуйте, страшный буканъ! Здравствуйте, почти прокуроръ! Что вы тутъ дѣлали?

ПЕТРЪ *(хмуро)*.

Глупости...

ТЕТЕРЕВЪ.

Это я вызванивалъ отходную человѣку, безвременно угасшему...

НИЛЪ *(Тетереву)*.

Слушай! У меня къ тебѣ просьба! *(Что-то шепчетъ на ухо ему. Тетеревъ киваетъ головой).*

ЦВѢТАЕВА.

Ахъ, господа, вотъ интересно было на репетиціи!

ЕЛЕНА.

О прокуроръ! Какъ свирѣпо ухаживалъ за мной поручикъ Быковъ!

ШИШКИНЪ.

Теленокъ нашъ Быковъ...

ПЕТРЪ.

Почему вы полагаете, что мнѣ интересно знать, кто и какъ ухаживалъ за вами?

ЕЛЕНА.

Ой, вы не въ духѣ?

ЦВѢТАЕВА.

Петръ Васильевичъ всегда не въ духѣ.

ШИШКИНЪ.

Это обычное состояніе его духа...

ЕЛЕНА.

Танечка! И ты, по обыкновенію, грустна, какъ ночь сентябрская?

ТАТЬЯНА.

Да, по обыкновенію...

ЕЛЕНА.

А мнѣ—ужасно весело! Господа, скажите, почему мнѣ всегда весело?

НИЛЪ.

Отказываюсь отвѣчать на вопросъ: мнѣ самому тоже всегда весело.

ЦВѢТАЕВА.

И мнѣ!..

ШИШКИНЪ.

Мнѣ—не всегда, но...

ТАТЬЯНА.

Постоянно...

ЕЛЕНА.

Танечка! Ты остришь? Вотъ хорошо! Буканъ! Отвѣчайте: почему мнѣ весело?

ТЕТЕРЕВЪ.

О воплощенное легкомысліе!

ЕЛЕНА.

Ка-акъ! Хорошо! Я вспомню вамъ эти слова, когда вы будете объясняться мнѣ въ любви!

НИЛЪ.

Однако я-бы поѣлъ чего-нибудь... Мнѣ скоро на дежурство идти...

ЦВѢТАЕВА.

На всю ночь? Бѣдный!

НИЛЪ.

На цѣлыя сутки... Пойду однако въ кухню, поклонюсь Степанидѣ...

ТАТЬЯНА.

Я скажу ей... *(Уходитъ съ Ниломъ).*

ТЕТЕРЕВЪ *(Еленѣ).*

Э... позвольте. Да развѣ я долженъ влюбиться въ васъ?

ЕЛЕНА.

Да, дерзкій человѣкъ! Да, мрачное чудовище! Да! Да!

ТЕТЕРЕВЪ
(отступая предъ ней).

Повинуюсь... Мнѣ это не трудно... Я однажды былъ влюбленъ сразу въ двухъ дѣвицъ и въ одну замужнюю женщину...

ЕЛЕНА
(продолжая наступать на него).

Ну и что же?

ТЕТЕРЕВЪ.

Безполезно...

ЕЛЕНА
(вполголоса, указывая глазами на Петра).

Что у васъ съ нимъ вышло? *(Тетеревъ смѣется. Они тихо бесѣдуютъ).*

ШИШКИНЪ *(Петру).*

Слушай, братъ, — нѣтъ-ли цѣлковаго дня на три? Понимаешь—башмаки лопнули...

ПЕТРЪ.

На... Семь за тобой...

ШИШКИНЪ.

Помню...

ЦВѢТАЕВА.

Петръ Васильевичъ! Почему вы не принимаете участія въ нашихъ спектакляхъ?

ПЕТРЪ.

Я же не умѣю играть...

ШИШКИНЪ.

А мы-то развѣ умѣемъ?

ЦВѢТАЕВА.

Ходили бы хоть на репетиціи. Солдатики ужасно интересные! Одинъ, Ширковъ, такой уморительный. Наивный, славный, улыбается такъ ласково, конфузливо... и ничего не понимаетъ...

ПЕТРЪ

(искоса наблюдая за Еленой).

Ну, знаете, я плохо разумѣю, какъ могутъ быть интересны люди, которые ничего не понимаютъ?

ШИШКИНЪ.

Да вѣдь тамъ не одинъ Ширковъ...

ПЕТРЪ.

Допускаю, что ихъ цѣлая рота...

ЦВѢТАЕВА.

Какъ можно говорить такія вещи? Вотъ ужъ не понимаю, что это у васъ? Аристократизмъ, что ли?

ТЕТЕРЕВЪ *(вдругъ громко).*

Жалѣть я не умѣю...

ЕЛЕНА.

Ш-ш-ш!..

ПЕТРЪ.

Какъ вамъ извѣстно, я мѣщанинъ...

ШИШКИНЪ.

Тѣмъ менѣе понятно твое отношеніе къ простымъ людямъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Меня никто никогда не жалѣлъ...

ЕЛЕНА *(вполголоса)*.

А вы развѣ не знаете, что нужно платить добромъ за зло?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не имѣю ни крупной, ни мелкой монеты...

ЕЛЕНА.

Ахъ, тише!..

ПЕТРЪ

(вслушиваясь въ разговоръ Елены съ Тетеревымъ).

А мнѣ не понятно... чего ради вы играете въ симпатіи къ этимъ простымъ людямъ...

ЦВѢТАЕВА.

Мы—не играемъ... мы дѣлимся, чѣмъ можемъ, съ ними...

ШИШКИНЪ.

И даже не это... Просто намъ пріятно бывать въ ихъ средѣ... Они безыскусственны... среди ихъ дышешь чѣмъ-то здоровымъ... какъ въ лѣсу. Нашему брату, буквоѣду, никогда не мѣшаетъ освѣжаться...

ПЕТРЪ

(настойчиво, со скрытымъ раздраженіемъ).

Просто вы любите жить иллюзіями... И подходите вы къ вашимъ солдатамъ съ нѣкоторымъ тайнымъ намѣреніемъ... смѣшнымъ, простите за правду! Освѣжаться среди солдатъ, это извините...

ЦВѢТАЕВА.

Да не только солдатъ! Вѣдь вы же знаете, что мы устраиваемъ спектакли и въ депо...

ПЕТРЪ.

Все равно. Я говорю о томъ, что, называя всю эту вашу... бѣготню и суету живымъ дѣломъ, вы обманываетесь. Вы вѣдь убѣждены, что способствуете развитію личности... и прочее... И это самообманъ. Придетъ завтра офицеръ или мастеръ, дастъ личности въ рожу и вышибетъ изъ ея головы все, что вы успѣли заронить въ нее, если еще успѣли...

ЦВѢТАЕВА.

Какъ досадно слушать такія рѣчи.

ШИШКИНЪ *(мрачно).*

Н-да... Рѣчи не ладныя... Не первый разъ я слышу ихъ, и все болѣе онѣ не нравятся мнѣ... Когда-нибудь мы съ тобой, Петръ, разговоримся... навсегда!

ПЕТРЪ *(холодно и лѣниво).*

Страшусь! Но жажду этой встрѣчи...

ЕЛЕНА *(горячо вскрикиваетъ).*

Зачѣмъ вы напускаете на себя все это? Господа! Зачѣмъ онъ хочетъ, чтобъ его считали злымъ?

ПЕТРЪ.

Ради оригинальности, я думаю.

ЦВѢТАЕВА.

Конечно. Интересничаетъ! Всѣ мужчины интересничаютъ... при женщинахъ. Одинъ изображаетъ пессимиста, другой Мефистофеля... А сами просто лѣнтяи...

ТЕТЕРЕВЪ.

Кратко, ясно... и здорово!

ЦВѢТАЕВА.

А что же, комплименты я вамъ буду говорить? Ждите! Знаю я васъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ этомъ случаѣ вы знаете больше, чѣмъ я. А не знаете ли вы, кстати, вотъ чего: слѣдуетъ платить добромъ за зло, или не слѣдуетъ? Т.-е., проще говоря: считаете вы добро и зло равноцѣнными, или же нѣтъ?

ЦВѢТАЕВА.

Поѣхали парадоксы на немазанныхъ колесахъ!

ШИШКИНЪ.

Погодите, не мѣшайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки онъ нѣтъ-нѣтъ, да и загонитъ въ мозгъ какую-нибудь занозу... А вѣдь у насъ, у всѣхъ, правду говоря, мыслишки-то все ходовыя, стертыя, какъ старые пятаки...

ПЕТРЪ.

Ты слишкомъ великодушенъ... распространяя свои личныя достоинства на всѣхъ...

ШИШКИНЪ.

Ну-ну! Надо говорить правду, братъ! Даже въ пустякахъ надо быть правдивымъ! Я прямо сознаюсь: никогда еще я ни одного оригинальнаго слова не сказалъ! А хочется, господа!

ТЕТЕРЕВЪ.

А вотъ и сказалъ!

ШИШКИНЪ *(живо)*.

Н-ну? Врешь? Что такое?

ТЕТЕРЕВЪ.

Сказалъ, братъ! Вѣрно... А что—самъ догадайся.

ШИШКИНЪ.

Ну, это нечаянно вышло...

ТЕТЕРЕВЪ.

Нарочно оригинальнымъ не будешь. Я пробовалъ...

ЕЛЕНА.

Да говорите же вы, мучитель, о добрѣ и злѣ!

ШИШКИНЪ.

Ну-ка, заводи философскую волынку!

ТЕТЕРЕВЪ *(становится въ позу).*

Достопочтенные двуногіе! Когда вы говорите, что зло слѣдуетъ оплачивать добромъ,—вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вамъ и потому—малоцѣнное. Добро—вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому — оно есть драгоцѣнность, рѣдкая вещь, прекраснѣе которой нѣтъ на землѣ ничего. Отсюда выводъ: уравнивать добро со зломъ не выгодно для васъ и безполезно. Я говорю вамъ: добромъ платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять въ человѣкѣ чувство ростовщика. Ибо человѣкъ — жаденъ. Получивъ однажды больше того, сколько слѣдовало ему, въ другой разъ захочетъ получить еще больше. А также не платите ему меньше, чѣмъ должны, ибо если вы его разъ обсчитаете, человѣкъ злопамятенъ, онъ скажетъ про васъ «банкроты», перестанетъ уважать и въ другой разъ не добро уже сдѣлаетъ вамъ, а только подастъ милостыню. Братіе! будьте строго точны въ уплатѣ за добро, содѣянное вамъ! Ибо нѣтъ на землѣ ничего печальнѣе и противнѣе человѣка, подающаго

милостыню ближнему своему! Но за зло — всегда платите сторицею зла. Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его вамъ. Если онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, опрокиньте гору на голову его.

(Тетеревъ начинаетъ шутливо, постепенно переходитъ въ серьезный тонъ и кончаетъ свою рѣчь сильно, убѣжденно. Кончивъ, онъ, тяжело ступая, отходитъ въ сторону. Минута общаго молчанія. Всѣ смущены, почувствовавъ въ словахъ его что-то тяжелое, искреннее).

ЕЛЕНА *(тихо).*

Однако, вы... должно быть, много потерпѣли отъ людей...

ТЕТЕРЕВЪ *(оскаливъ зубы).*

Но это дало мнѣ веселую надежду, что и они со временемъ потерпятъ отъ меня... или, вѣрнѣе,—за меня...

НИЛЪ

(входитъ съ миской въ рукахъ и кускомъ хлѣба. Говоря, онъ внимательно слѣдитъ, какъ бы не разлить содержимое миски. За нимъ идетъ Татьяна).

Все это философія. Плохая у тебя, Таня, привычка дѣлать изъ пустяковъ философію! Дождь идетъ—философія, палецъ болитъ—другая философія, угаромъ пахнетъ—третья. И когда я слышу такія философіи изъ пустяковъ, мнѣ невольно думается, что не всякому человѣку грамота полезна...

ТАТЬЯНА.

Какой ты... грубый, Нилъ.

НИЛЪ

(садится за столъ и ѣстъ).

Чего-тамъ грубый?.. Скучно тебѣ жить,—займись чѣмъ нибудь. Кто работаетъ, тотъ не скучаетъ. Дома тяжело—поѣзжай въ деревню, тамъ живи и учи... а то—въ Москву, сама поучись...

ЕЛЕНА.

Такъ ее! И еще проберите вотъ этого *(указываетъ на Тетерева)*,—этого вотъ!

НИЛЪ *(искоса посмотрѣвъ)*.

Тоже, чадушко. Въ Гераклиты мѣтитъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Назови меня Свифтомъ, если тебѣ нетрудно...

НИЛЪ.

Много чести!

ПЕТРЪ.

Да, многонько!..

ТЕТЕРЕВЪ.

А мнѣ это было-бы пріятно...

ЦВѢТАЕВА.

Какой лакомый!..

НИЛЪ *(глядя въ миску)*.

Не погнѣвайся... А что... того... Поля была? т.-е., куда она ушла?

ТАТЬЯНА.

Въ театръ. А что?

НИЛЪ.

Ничего... такъ... вообще—спрашиваю...

ТАТЬЯНА.

Тебѣ ее нужно?

НИЛЪ.

Нѣтъ, не нужно... т.-е., сейчасъ не нужно... а вообще, всегда... нужно. О, чортъ... запутался! *(Всѣ улыбаются, кромѣ Татьяны)*.

ТАТЬЯНА *(настойчиво).*

Зачѣмъ? Зачѣмъ она тебѣ?..

(Нилъ, не отвѣчая, ѣстъ).

ЕЛЕНА *(Татьянѣ быстро).*

За что онъ тебя пробиралъ? Скажи.

ЦВѢТАЕВА.

Да, это интересно!

ШИШКИНЪ.

Мнѣ тоже нравится, какъ Нилъ Васильевичъ нотаціи читаетъ...

ПЕТРЪ.

А мнѣ—какъ онъ ѣстъ...

НИЛЪ.

Я все недурно дѣлаю...

ЕЛЕНА.

Ну-же, Таня, говори!

ТАТЬЯНА.

Не хочется...

ЦВѢТАЕВА.

Ей никогда ничего не хочется!

ТАТЬЯНА.

Почему ты знаешь? А, можетъ быть, я очень хочу умереть?

ЦВѢТАЕВА.

Фи, гадость!

ЕЛЕНА.

Брр! Не люблю говорить о смерти.

НИЛЪ.

Что можно сказать о смерти до поры, пока не умрешь?

ТЕТЕРЕВЪ.

Вотъ истинный философъ!

ЕЛЕНА.

Идемте, господа, ко мнѣ. Пора, самоваръ, навѣрное, давно готовъ...

ШИШКИНЪ.

А хорошо теперь чайку хлебнуть! Да и подзакусить-бы... можно надѣяться?

ЕЛЕНА.

Конечно!

ШИШКИНЪ *(указывая на Нила).*

А то я смотрю на него и—завидую, грѣшный человѣкъ!

НИЛЪ.

Не завидуй—я уже все съѣлъ! Я тоже пойду съ вами, у меня еще болѣе часа свободнаго времени...

ТАТЬЯНА.

Ты лучше отдохнулъ бы до дежурства...

НИЛЪ.

Сойдетъ и такъ...

ЕЛЕНА.

Петръ Васильевичъ! Идете?

ПЕТРЪ.

Если позволите...

ЕЛЕНА.

Благосклонно разрѣшаю. Вашу руку!..

ЦВѢТАЕВА.

Становитесь всѣ въ пары. Нилъ Васильевичъ, ко мнѣ...

ШИШКИНЪ *(Татьянѣ).*

Значитъ, вы—со мной...

ТЕТЕРЕВЪ.

Вотъ—говорятъ, что женщинъ на землѣ больше, чѣмъ мужчинъ. Однако я живалъ во многихъ городахъ и всегда, вездѣ мнѣ не хватало дамы...

ЕЛЕНА

(смѣясь идетъ въ двери и напѣваетъ).

Allons, enfants de la patri... i... i... e!

ШИШКИНЪ

(толкая Петра въ спину).

Двигайся живѣе, сынъ отечества!...

(Уходятъ съ шумомъ, пѣніемъ и смѣхомъ. Комната нѣсколько секундъ остается пустой. Потомъ дверь изъ комнаты стариковъ отворяется, выходитъ Акулина Ивановна и, позѣвывая, гаситъ лампы. Слышенъ голосъ старика, монотонно читающаго псалтирь у себя въ комнатѣ. Во тьмѣ, натыкаясь на стулья, старуха проходитъ къ себѣ обратно).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Та же комната. Осенній полдень. За столомъ сидитъ старикъ Безсъменовъ. Татьяна неслышно и медленно ходитъ взадъ и впередъ. Петръ, стоя у переборки, смотритъ въ окно.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Битый часъ говорю я вамъ... дѣтки мои милыя, а, видно, нѣтъ у меня такихъ словъ, чтобы сердца вашего коснулись... Одинъ спиной меня слушаетъ, другая ходитъ, какъ ворона по забору.

ТАТЬЯНА.

Я сяду... (*садится*).

ПЕТРЪ

(*оборачиваясь лицомъ къ отцу*).

Ты скажи прямо, чего ты хочешь отъ насъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Хочу понять, что вы за люди... Желаю знать, какой ты человѣкъ?

ПЕТРЪ.

Подожди! Я отвѣчу тебѣ... ты поймешь, увидишь. Дай прежде кончу учиться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... фордыбачишь. Ты вотъ научился презрѣнію ко всему живущему, а размѣра въ дѣйствіяхъ не пріобрѣлъ... Изъ университета тебя выгнали. Ты думаешь неправильно? Ошибаешься. Студентъ есть ученикъ, а не распорядитель въ жизни. Ежели всякій парень

въ двадцать лѣтъ уставщикомъ порядковъ захочетъ быть... тогда все должно придти въ замѣшательство... и дѣловому человѣку на землѣ мѣста не будетъ. Ты научись, будь мастеромъ въ твоемъ дѣлѣ и тогда—разсуждай... А до той поры всякій на твои разсужденія имѣетъ полное право сказать—цыцъ. Я говорю тебѣ это не со зла, а по душѣ... какъ ты есть мой сынъ, кровь моя, и все такое. Нилу я ничего не говорю... хоть много положилъ труда на него, хоть онъ пріемышъ мой... но все жъ онъ—чужая кровь. И чѣмъ дальше—тѣмъ больше онъ мнѣ чужой. Я вижу—будетъ онъ прохвостомъ... актеромъ будетъ или еще чѣмъ-нибудь въ этакомъ духѣ... Можетъ, даже соціалистомъ будетъ. Ну,—туда ему и дорога.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(выглядывая изъ двери, жалобнымъ и робкимъ голосомъ).

Отецъ! не пора-ли обѣдать?

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*строго*).

Пошла ты! Не суйся, когда не надо... *(Акулина Ивановна скрывается за дверью. Татьяна укоризненно смотритъ на отца, встаетъ со стула и снова бродитъ по комнатѣ).* Видѣли? Мать ваша ни минуты покоя не знаетъ, оберегая васъ... все боится, какъ бы я не обидѣлъ... Я не хочу никого обижать... Я самъ обиженъ вами, горько обиженъ... Въ домѣ моемъ я хожу осторожно, ровно на полу вездѣ битое стекло насыпано... Ко мнѣ и гости—старые пріятели—перестали ходить: у тебя, говорятъ, дѣти образованные, а мы—народъ простой, еще насмѣются они надъ нами. И вы не однажды смѣялись надъ ними, а я со стыда горѣлъ за васъ. Всѣ пріятели меня бросили, точно образованные дѣти—чума. А вы никакого вниманія на отца своего не обращаете... никогда не поговорите съ нимъ ласково,

никогда не скажете, какими думами заняты, что дѣлать будете? Я вамъ, какъ чужой. А вѣдь я—люблю васъ... Люблю. Понимаете вы, что значитъ—любовь? Тебя вотъ выгнали, мнѣ это больно. Татьяна зря въ дѣвкахъ сохнетъ, мнѣ это обидно... и даже конфузно предъ людьми. Чѣмъ Татьяна хуже многихъ прочихъ, которыя выходятъ замужъ и... все такое? Мнѣ хочется видѣть тебя, Петръ, человѣкомъ, а не студентомъ... Вонъ Филиппа Назарова сынъ—кончилъ учиться, женился. взялъ съ приданымъ, двѣ тыщи въ годъ получаетъ... въ члены управы попадетъ...

ПЕТРЪ.

Подождите... и я женюсь...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да, я вижу. Ты—хоть завтра готовъ... Ну, только на комъ? На вертушкѣ, на безпутной бабенкѣ... да еще вдовѣ. Э-эхъ!

ПЕТРЪ *(вскакивая)*.

Вы не имѣете права называть ее такъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Какъ такъ? Вдовой или безпутной?

ТАТЬЯНА.

Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это. Петръ... Уйди... или—молчи! Я вѣдь вотъ—молчу. Слушайте... Я—не понимаю ничего... Отецъ... Когда вы говорите, я чувствую—вы правы. Да, вы правы, знаю. Повѣрьте, я... очень это чувствую. Но ваша правда—чужая намъ... мнѣ и ему... понимаете? У насъ уже своя... вы не сердитесь, постойте. Двѣ правды, папаша...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(вскакивая)*.

Врешь, одна правда! Моя правда. Какая ваша правда? Гдѣ она? Покажи.

ПЕТРЪ.

Отецъ, не кричи. Я тоже скажу... ну, да. Ты правъ. Но твоя правда узка намъ... мы выросли изъ нея, какъ выросли изъ платья; намъ тѣсно, насъ давитъ это... То, чѣмъ ты жилъ, твой порядокъ жизни, онъ уже не годится для насъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, да! Вы... вы! Какъ же... вы образовались... а я дуракъ! А вы...

ТАТЬЯНА.

Не то, папаша! Не такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ—то. Къ вамъ ходятъ гости... цѣлые дни шумъ... ночью спать нельзя... Ты на моихъ глазахъ машни съ постоялкой заводишь... ты всегда надута... а я... а мы съ матерью жмемся въ углу...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(врываясь въ комнату, жалобно кричитъ).

Голубчики! Да я, вѣдь... родной ты мой! Развѣ я говорю что? Да я и въ углу!.. и въ углу, въ хлѣву! только не ругайтесь вы! Не грызите другъ друга!.. милые!

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(одной рукой привлекая, а другой отталкивая ее).

Пошла прочь, старуха! Не нужна ты имъ! Оба мы не нужны! Они—умные!.. Мы—чужіе для нихъ!..

ТАТЬЯНА *(стонетъ).*

Какая мука! Какая... мука!..

ПЕТРЪ

(блѣдный, съ отчаяніемъ).

Пойми, отецъ... вѣдь глупо это. Глупо! Вдругъ, ни съ того ни съ сего...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вдругъ? Врешь! Не вдругъ!.. годами нарывало у меня въ сердцѣ!..

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя, уступи! Не спорь... Таня... пожалѣйте отца.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Глупо? Дуракъ ты! Страшно... а не глупо! Вдругъ... жили отецъ и дѣти... вдругъ—двѣ правды... звѣри вы!

ТАТЬЯНА.

Петръ, уйди! Успокойся, отецъ... ну, прошу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Безжалостные! Стѣснили насъ... Чѣмъ гордитесь? Что сдѣлали? А мы—жили! Работали... строили дома... для васъ... грѣшили... можетъ быть, много грѣшили—для васъ.

ПЕТРЪ *(кричитъ).*

Просилъ я тебя, чтобъ ты... все это дѣлалъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петръ! Ради...

ТАТЬЯНА.

Ступай вонъ, Петръ! Я не могу, я ухожу... *(Въ изнеможеніи опускается на стулъ).*

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А, бѣжите... отъ правды, какъ черти отъ ладона... зазрила совѣсть.

НИЛЪ

(широко распахнувъ дверь изъ сѣней, останавливается на порогѣ. Онъ съ работы. Лицо у него черное, закопченное дымомъ, измазанное сажей, руки тоже грязныя. Онъ въ короткой курткѣ, промасленной до блеска, под-

поясанъ ремнемъ, въ высокихъ грязныхъ сапогахъ по колѣно. Протягивая руку, онъ говоритъ).

Дайте поскорѣе двугривенный, извозчику заплатить!

(Его неожиданный приходъ и вдругъ раздавшійся спокойный голосъ сразу прекращаютъ шумъ въ комнатѣ и нѣсколько секундъ всѣ молчатъ, неподвижно глядя на него. Онъ замѣчаетъ впечатлѣніе и, сразу сообразивъ въ чемъ дѣло, съ улыбкою сожалѣнія говоритъ). Н-ну-у! Опять баталія!

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(грубо кричитъ).*

Ты, нехристь! Куда пришелъ!

НИЛЪ.

А? куда?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Въ шапкѣ! Шапку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Что, въ самомъ дѣлѣ? Грязный лѣзешь прямо въ горницы... ишь ты!

НИЛЪ.

Да вы двугривенный-то дайте!

ПЕТРЪ

(даетъ ему деньги и вполголоса говоритъ).

Иди сюда скорѣе...

НИЛЪ *(съ улыбкой).*

На помощь? Трудно приходится! Сейчасъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ишь! Вотъ онъ!.. Тоже—все съ рывка, съ наскока... Тоже нахватался гдѣ-то... чего-то... Уваженія нѣтъ ни къ чему на свѣтѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА
(поддѣлываясь подъ тонъ мужа).

И впрямь... Сорванецъ какой! Таня, ты поди... поди въ кухню... въ кухню! скажи Степанидѣ — обѣдать... *(Татьяна уходитъ).*

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(угрюмо улыбаясь).*

Ну, а Петра куда пошлешь? Э-эхъ ты! Глупая старуха! Глупая ты... Пойми, я не звѣрь какой. Я отъ души... отъ страха за нихъ... отъ боли душевной кричу... а не отъ злости. Чего же ты ихъ разгоняешь отъ меня?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да я вѣдь знаю... голубчикъ мой! Я знаю все... да жалко ихъ. Мы старые съ тобой... мы—таковскіе! Куда намъ? Господи! На что насъ? А имъ жить! Они—милые—горя-то отъ чужихъ много увидятъ...

ПЕТРЪ.

Отецъ, ты право напрасно... волнуешься... Ты вообразилъ что-то...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Боюсь я! Время такое... страшное время! Все ломается, трещитъ... волнуется жизнь... За тебя боюсь... Вдругъ что-нибудь... кто насъ поддержитъ въ старости? Ты—опора намъ. Вонъ Нилъ-то вишь какой? И этотъ... птица эта, Тетеревъ... тоже! Ты сторонись ихъ! Они... не любятъ насъ. Гляди!

ПЕТРЪ.

Э, полно! Ничего со мной не будетъ... Вотъ, подожду еще немного... потомъ подамъ прошеніе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Подай-ка ты, Петя, поскорѣе, успокой отца...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я въ тебя, Петръ, вѣрю, когда ты вотъ такъ-то говоришь... разсудительно... Вѣрю, что ты жизнь проживешь не хуже меня... Ну, а иной разъ...

ПЕТРЪ.

Ну, давай, оставимъ это. Будетъ!.. Подумай, какъ часто у насъ бываютъ такія сцены!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Голубчики вы мои!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ еще Татьяна... эхъ! Бросить бы ей училище... Что оно для нея? Одно утомленіе...

ПЕТРЪ.

Да, ей надо отдохнуть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Охъ, надо!

НИЛЪ

(входитъ раздѣтый, въ синей блузѣ, но еще не умытый).

Обѣдать скоро будемъ, а?

(Петръ, при видѣ Нила, быстро выходитъ въ сѣни).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Рожу-то умылъ бы сначала, а потомъ объ обѣдѣ спрашивалъ.

НИЛЪ.

Ну, рожа у меня не велика, вымою живо, а вотъ ѣсть я хочу, какъ волкъ. Дождь, вѣтеръ, холодище, паровозъ старый, скверный... измаялся я въ эту ночь, прямо—силъ нѣтъ! Заставить бы начальника тяги прокатиться въ такую погодку, да на этакомъ паровозѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Болтай больше! Что-то, я смотрю, ты про начальниковъ-то легко говорить сталъ... смотри, худа не было бы.

НИЛЪ.

Начальникамъ худо не будетъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ не про нихъ говоритъ, а про тебя.

НИЛЪ.

Ага, про меня...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да, про тебя.

НИЛЪ.

Ага!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты не гакай, а слушай...

НИЛЪ.

Я слушаю.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Зазнаваться ты сталъ...

НИЛЪ.

Давно?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты такимъ языкомъ со мной не смѣй говорить.

НИЛЪ.

А у меня одинъ языкъ *(высовываетъ языкъ, показываетъ)*, и я со всѣми имъ говорю...

АКУЛИНА ИВАНОВНА
(всплескивая руками).

Ахъ ты, безстыдникъ! Кому ты языкъ показываешь?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, мать, постой! *(Акулина Ивановна, укоризненно покачивая головой, уходитъ).* Ты... умникъ. Я хочу съ тобой говорить...

НИЛЪ.

Послѣ обѣда?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сейчасъ.

НИЛЪ.

Лучше бы послѣ обѣда. Право, я голоденъ, усталъ, продрогъ... сдѣлайте одолженіе, отложите разговоръ. И потомъ, что вы мнѣ можете сказать? Ругаться вѣдь будете... а мнѣ ругаться съ вами непріятно... лучше бы вы... того... сказали бы прямо, что терпѣть меня не можете... и чтобъ я...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, чортъ съ тобой! *(Уходитъ въ свою комнату и плотно, крѣпко прикрываетъ дверь за собою).*

НИЛЪ *(ворчитъ).*

И отлично. Лучше чортъ, чѣмъ ты. *(Напѣвая себѣ подъ носъ, ходитъ по комнатѣ. Татьяна входитъ).* Опять лаялись?

ТАТЬЯНА.

Ты не можешь себѣ представить...

НИЛЪ.

Ну, превосходно представляю... Разыгрывали драматическую сцену изъ безконечной комедіи, подъ названіемъ «Ни туда, ни сюда».

ТАТЬЯНА.

Тебѣ хорошо говорить такъ. Ты умѣешь стоять въ сторонѣ...

НИЛЪ.

Я умѣю оттолкнуть отъ себя въ сторону всю эту канитель. И скоро—оттолкну рѣшительно, навсегда... Переведусь въ монтеры, въ депо... надоѣло мнѣ ѣздить по ночамъ съ товарными поѣздами. Еще если-бъ съ пассажирскими: съ курьерскимъ, напримѣръ, рѣжь воздухъ! Мчись на всѣхъ парахъ! А тутъ ползешь съ кочегаромъ... скука... Я люблю быть на людяхъ!..

ТАТЬЯНА.

Отъ насъ ты, однако, бѣгаешь...

НИЛЪ.

Да... прости за правду! — убѣжишь вѣдь! Я жить люблю, люблю шумъ, работу, веселыхъ, простыхъ людей. А вы развѣ живете? Такъ, какъ-то слоняетесь около жизни и по неизвѣстной причинѣ стонете, да жалуетесь... на кого, почему, для чего? Не понятно.

ТАТЬЯНА.

Ты не понимаешь?

НИЛЪ.

То-то нѣтъ. Когда человѣку лежать на одномъ боку неудобно, онъ перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно, онъ только жалуется... А ты сдѣлай усиліе,—перевернись.

ТАТЬЯНА.

Ты знаешь, одинъ философъ сказалъ, что только глупому жизнь кажется простой!

НИЛЪ.

Философы въ глупостяхъ, должно быть, знаютъ толкъ. Но я вѣдь умникомъ себя не считаю... Я просто нахожу, что съ вами жить, почему-то, невыносимо скучно. Думаю потому, что очень ужъ вы любите на

все и вся жаловаться. Зачѣмъ жаловаться? Кто вамъ поможетъ? Никто не поможетъ... И некому и... не стоитъ...

ТАТЬЯНА.

Откуда въ тебѣ эта черствость, Нилъ?

НИЛЪ.

А это—черствость?

ТАТЬЯНА.

Жестокость... Я думаю, что ты заразился ею отъ Тетерева, который ненавидитъ за что-то всѣхъ людей.

НИЛЪ.

Ну, не всѣхъ... *(усмѣхаясь)*. Тебѣ этотъ Тетеревъ не кажется похожимъ на топоръ?

ТАТЬЯНА.

Топоръ? Какой топоръ?

НИЛЪ.

Обыкновенный, желѣзный топоръ на деревянномъ топорищѣ...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, не шути! Не надо... Знаешь... съ тобой пріятно говорить... ты такой свѣжій... Но только... не внимателенъ ты...

НИЛЪ.

Къ чему?

ТАТЬЯНА.

Къ людямъ... Ко мнѣ, напримѣръ...

НИЛЪ.

Мм... навѣрно, не ко всѣмъ.

ТАТЬЯНА.

Ко мнѣ...

НИЛЪ.

Къ тебѣ? Н-да... *(Оба молчатъ. Нилъ разсматриваетъ свои сапоги. Татьяна смотритъ на него съ ожиданіемъ чего-то).* Видишь-ли... Я къ тебѣ... т.-е., я тебя... *(Татьяна дѣлаетъ движеніе къ нему, Нилъ ничего не замѣчаетъ)* очень уважаю... и люблю. Только мнѣ не нравится, зачѣмъ ты учительница? Дѣло это тебѣ не по душѣ, утомляетъ, раздражаетъ тебя. А дѣло—огромное. Ребятишки—вѣдь это люди въ будущемъ... Ихъ надо умѣть цѣнить, надо любить. Всякое дѣло надо любить, чтобы хорошо дѣлать. Знаешь, я ужасно люблю ковать. Предъ тобой красная, безформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотомъ—наслажденіе. Она плюетъ въ тебя шипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая... И ты сильными ударами съ плеча дѣлаешь изъ нея все, что тебѣ нужно...

ТАТЬЯНА.

Для этого нужно быть сильнымъ.

НИЛЪ.

И ловкимъ...

ТАТЬЯНА.

Послушай, Нилъ, тебѣ никогда не жалко...

НИЛЪ.

Кого?

ЕЛЕНА *(входитъ).*

У васъ обѣдали? Нѣтъ? Идемте ко мнѣ, пожалуйста! Какой пирогъ я спекла! Гдѣ прокуроръ? Прекрасный пирогъ!

НИЛЪ *(подходя къ Еленѣ).*

Я иду! О, я съѣмъ весь прекрасный пирогъ! Я умираю съ голода, меня нарочно не кормятъ! На меня разсердились здѣсь за что-то...

ЕЛЕНА.

За языкъ навѣрное... Таня, идемъ!

ТАТЬЯНА.

Я только скажу мамѣ... *(Уходитъ).*

НИЛЪ.

Откуда вы знаете, что я показалъ отцу языкъ?

ЕЛЕНА.

Что-о? Я ничего не знаю! Что такое?

НИЛЪ.

Ну, я не скажу... Лучше вы разскажите мнѣ о прекрасномъ пирогѣ.

ЕЛЕНА.

Я узнаю! А о пирогѣ... знаете, меня научилъ печь пирогъ одинъ арестантъ, осужденный за убійство. Мужъ позволялъ ему помогать на кухнѣ. Онъ былъ такой жалкенькій, худенькій...

НИЛЪ.

Мужъ?

ЕЛЕНА.

Милостивый государь! мой мужъ былъ двѣнадцати вершковъ роста...

НИЛЪ.

Онъ былъ такъ низокъ?

ЕЛЕНА.

Молчать! И имѣлъ вотъ такіе усы *(показываетъ пальцами какіе усы)* длиною по три вершка...

НИЛЪ.

Первый разъ слышу о человѣкѣ, достоинства котораго измѣряютъ вершками!

ЕЛЕНА.

Увы! У него не было никакихъ достоинствъ, кромѣ усовъ!

НИЛЪ.

Это грустно! Продолжайте о пирогѣ...

ЕЛЕНА.

Онъ, этотъ арестантъ, былъ поваръ... и убилъ свою жену. Но мнѣ онъ очень нравился. Онъ, вѣдь, убилъ ее какъ-то такъ...

НИЛЪ.

Между прочимъ... понимаю!

ЕЛЕНА.

Убирайтесь! Не хочу съ вами говорить. *(Татьяна, появляясь въ двери, смотритъ на нихъ. Изъ другой двери выходитъ Петръ).* Прокуроръ! Ко мнѣ... ѣсть пирогъ!..

ПЕТРЪ.

Съ удовольствіемъ!

НИЛЪ.

Его сегодня папенька пробралъ за непочтеніе...

ПЕТРЪ.

Ну, перестань...

НИЛЪ.

И я удивляюсь, какъ рѣшается онъ идти къ вамъ безъ спроса?

ПЕТРЪ

(глядя на дверь въ комнату стариковъ, безпокойно).

Идти—такъ идемте!

ТАТЬЯНА.

Идите, я сейчасъ прійду...

(Нилъ, Петръ и Елена уходятъ. Татьяна идетъ въ свою комнату, но въ это время изъ комнаты стариковъ раздается голосъ Акулины Ивановны).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Таня!

ТАТЬЯНА

(*останавливаясь, нетерпѣливо поводя плечами*).

Что?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*въ двери*).

Поди-ка сюда. (*Почти шопотомъ*). Что Петруша-то опять къ той пошелъ?

ТАТЬЯНА.

Да... и я иду...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ ты горе наше горькое, а? Завертитъ она, егоза, Петю. Ужъ я чувствую... Ты бы хоть поговорила ему. Поговорила-бы: братецъ, молъ, остановись. Не пара, молъ, она тебѣ... сказала бы ты ему! Вѣдь у ней и денегъ-то всего три тыщи, да мужнина пенсія... Я знаю...

ТАТЬЯНА.

Мамаша, оставьте это. Елена совсѣмъ не обращаетъ вниманія на Петра...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Нарочно это! Нарочно! Она, шельма, разжигаетъ его... Показываетъ только видимость такую, что де ты мнѣ не интересенъ... а сама слѣдитъ за нимъ, какъ кошка за чижомъ...

ТАТЬЯНА.

Ахъ!.. да что мнѣ! Мнѣ-то что? Говорите сами... оставьте меня! Поймите,—я устала!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да ты не сейчасъ поговори съ нимъ... Ты поди, лягъ, отдохни...

ТАТЬЯНА (*почти кричитъ*).

Мнѣ негдѣ отдохнуть! Я навсегда устала... Навсегда! Поймите? На всю жизнь... отъ васъ устала... отъ васъ! (*Быстро уходитъ въ сѣни. Акулина Ивановна дѣлаетъ движеніе къ дочери, какъ бы желая остановить ее, но, всплеснувъ руками, остается на мѣстѣ, недоумѣло раскрывъ ротъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*выглядывая изъ двери*).

Опять схватка?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*встрепенувшись*).

Нѣтъ, ничего... это такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что такъ? Надерзила она тебѣ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*торопливо*).

Нѣтъ, ничего—что ты это? Я ей говорю... обѣдать, молъ, пора. А она говоритъ—не хочу! Я говорю—какъ не хочешь? А она...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Завралась ты, мать!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Правое слово!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И сколько ты, ради ихъ, врешь предо мной. Взгляни-ка мнѣ въ глаза-то... Не можешь... Эхъ ты!

(Акулина Ивановна стоитъ предъ мужемъ, понуря голову, молча. Онъ тоже молчитъ, задумчиво поглаживая бороду. Потомъ, вздохнувъ, говоритъ).

Нѣтъ, зря все-таки разгородились мы отъ нихъ образованіемъ-то...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*тихо*).

Полно, отецъ! Теперь и простые-то люди не лучше...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Никогда не надо давать дѣтямъ больше того, сколько самъ имѣешь... всего мнѣ тяжелѣе, что не вижу я въ нихъ... никакого характера... ничего эдакаго... крѣпкаго... Вѣдь, въ каждомъ человѣкѣ должно быть что-нибудь свое... а они какіе-то... ровно-бы безъ лицъ! Вотъ Нилъ... онъ дерзокъ... онъ разбойникъ. Но—человѣкъ съ лицомъ. Опасный... но его можно понять... Э-эхе-хе!.. Я вотъ, въ молодости, церковное пѣніе любилъ... грибы собирать любилъ... А что Петръ любитъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*робко, со вздохомъ*).

Къ постоялкѣ ушелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, вотъ... Погоди-же!—Я ее... ущемлю.

(*Входитъ Тетеревъ, заспанный и мрачный болѣе, чѣмъ всегда. Въ рукѣ—бутылка водки и рюмка*).

Терентій Хрисанфовичъ! Опять разрѣшилъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Вчера, послѣ всенощной...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Съ чего это?..

ТЕТЕРЕВЪ.

Безъ причины. Обѣдать скоро?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Сейчасъ накрою... *(Начинаетъ хлопотать).*

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Эхъ-ма, Терентій Хрисанфовичъ, умный ты человѣкъ... а вотъ губитъ тебя водочка!..

ТЕТЕРЕВЪ.

Почтенный мѣщанинъ,—ты врешь! Меня губитъ не водка, а сила моя... Избытокъ силы—вотъ моя гибель...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, сила лишней не бываетъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Опять врешь! Теперь сила—не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змѣиная гибкость. *(Засучивая рукавъ, показываетъ кулакъ).* Гляди,—если я этой штукой ударю по столу, разобью его въ дребезги. Съ такими руками—нечего дѣлать въ жизни. Я могу колоть дрова, но мнѣ трудно и смѣшно писать, напримѣръ... Мнѣ некуда дѣвать силы. Я могу найти себѣ мѣсто по способности только въ балаганѣ, на ярмаркѣ, гдѣ могъ-бы рвать желѣзныя цѣпи, поднимать гири и прочее. Но я учился... И хорошо учился... За что и былъ изгнанъ изъ семинаріи... Я учился и не хочу жить напоказъ, не хочу, чтобы ты, придя въ балаганъ, любовался мною со спокойнымъ удовольствіемъ. Я желаю, чтобы вы смотрѣли на меня съ безпокойнымъ неудовольствіемъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Злой ты...

ТЕТЕРЕВЪ.

Скоты такой величины, какъ я, не бываютъ злыми,—ты не знаешь зоологіи. Природа—хитра. Ибо, если къ силѣ моей прибавить злобу,—куда бѣжишь ты отъ меня?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мнѣ бѣжать некуда... я въ своемъ домѣ.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты-бы молчалъ, отецъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Вѣрно! Ты въ своемъ домѣ. Вся жизнь—твой домъ, твое строеніе. И оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Живешь ты зря... ни къ чему. Но ежели бы захотѣлъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Не хочу захотѣть, ибо противно мнѣ. Мнѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать на тебя и подобныхъ тебѣ. Можешь-ли ты, мѣщанинъ, представить себѣ меня трезвымъ, прилично одѣтымъ и говорящимъ съ тобою рабьимъ языкомъ слуги твоего? Нѣтъ, не можешь... *(Поля входитъ и при видѣ Тетерева пятится назадъ. Онъ, замѣтивъ ее, широко улыбается и, кивая головой, говоритъ, протягивая ей руку).* Здравствуйте и не бойтесь... Я ничего не скажу вамъ больше... ибо все знаю!

ПОЛЯ *(смущенно).*

Что?.. ничего вы не можете знать...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А, пришла. Ну-ка, иди-ка, скажи Степанидѣ, чтобы щи несла...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Пора... *(Къ Тетереву).* Люблю я слушать, какъ ты разсуждаешь... Особенно про себя самого хорошо выходитъ у тебя. Такъ вотъ,— глядишь на тебя, страшенъ ты. А начнешь ты мысли-то свои высказывать,—я и чувствую твою слабость... *(Довольно и тихо смѣется).*

ТЕТЕРЕВЪ.

И ты нравишься мнѣ. Ибо ты въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру—добръ, и въ мѣру—золъ; въ мѣру честенъ и подлъ, трусливъ и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ... давай, выпьемъ передъ щами, почтенный кротъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Принесутъ, выпьемъ. Но, между прочимъ, зачѣмъ ты ругаешься?.. Безъ причины не надо обижать людей... Надо разсуждать кротко, складно, чтобы слушать тебя было занятно... а если ты будешь людей задѣвать словами—никто не услышитъ тебя, а кто услышитъ—дуракъ будетъ!

НИЛЪ *(входя).*

Поля пришла?

ТЕТЕРЕВЪ *(умываясь).*

Пришла...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А тебѣ ее на что?

НИЛЪ

(не отвѣчая ей,—Тетереву).

Эге-э! Разрѣшилъ? Опять? Часто же началъ ты...

ТЕТЕРЕВЪ.

Лучше пить водку, чѣмъ кровь людей... тѣмъ паче, что кровь теперешнихъ людей жидка, скверна и безвкусна... Здоровой, вкусной крови осталось мало,—всю высосали...

(*Поля и Степанида. Степанида несетъ миску. Поля—тарелку съ мясомъ*).

НИЛЪ (*подходитъ къ Полѣ*).

Здравствуй. Готовъ отвѣтъ?

ПОЛЯ (*вполголоса*).

Не сейчасъ-же при всѣхъ...

НИЛЪ.

Вотъ важность! Чего бояться?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Кому?

НИЛЪ.

Мнѣ... и вотъ ей...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не понимаю...

ТЕТЕРЕВЪ (*усмѣхаясь*).

А я—понимаю... (*Наливаетъ водки и пьетъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Въ чемъ дѣло? Ты чего, Палагея?

ПОЛЯ (*смущенно, тихо*).

Ничего...

НИЛЪ (*усаживаясь за столъ*).

Секретъ... Тайна!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А коли тайна—говорите гдѣ-нибудь въ углу, а не при людяхъ. Т.-е., это, я скажу, насмѣшка какая-то... хоть бѣги изъ дома! Какіе-то знаки, недомолвки, заговоры... а ты сиди дуракомъ, да хлопай глазами... Я тебя, Нилъ, спрашиваю, кто я тебѣ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ужъ что это, Нилъ, право...

НИЛЪ (*спокойно*).

Вы мнѣ—пріемный отецъ... Но сердиться и поднимать исторіи не слѣдуетъ... Ничего особеннаго не случилось...

ПОЛЯ

(*вставая со стула, на который только что сѣла*).

Нилъ Васильевичъ сдѣлалъ... сказалъ мнѣ... вчера вечеромъ... спросилъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что спросилъ?.. Ну?

НИЛЪ (*спокойно*).

Вы не пугайте ее... Я спросилъ ее, не хочетъ ли она выйти за меня замужъ...

(*Безсѣменовъ удивленно смотритъ на него и Полю, держа въ воздухѣ ложку. Акулина Ивановна тоже замерла на мѣстѣ. Тетеревъ смотритъ предъ собою, тяжело моргая глазами. Кисть его руки, лежащей на колѣнѣ, вздрагиваетъ. Поля низко наклонила голову*).

НИЛЪ (*продолжая*).

А она сказала, что отвѣтитъ мнѣ сегодня... Ну, вотъ и все...

ТЕТЕРЕВЪ (*махая рукой*).

И очень... просто... и больше ничего...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Та—къ... Дѣйствительно... очень просто! (*Съ горечью*). И модно... по новому! Впрочемъ, что тутъ!.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

Нехристь ты, нехристь! Отчаянная ты голова!.. Чайбы съ нами первоначально поговорить надо...

НИЛЪ (*съ досадой*).

Вотъ дернуло меня за языкъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Оставь, матъ! Не наше дѣло! Ѣшь и молчи. И я буду молчать...

ТЕТЕРЕВЪ (*хмѣлѣя*).

А я буду говорить... А, впрочемъ, и я пока молчу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да... Лучше всѣмъ молчать. Но все-таки, Нилъ... не таровато благодаришь ты меня за мою хлѣбъ-соль... Исподтишка живешь...

НИЛЪ.

За хлѣбъ-соль вашу я платилъ трудомъ, и впредь платить буду, а волѣ вашей подчиняться не могу. Вы вонъ хотѣли женить меня на дурѣ Сѣдовой, потому только, что за нею десять тысячъ приданаго. На что мнѣ ее нужно? А Полю я люблю... Давно люблю и ни отъ кого это не скрывалъ. Всегда я жилъ открыто и всегда буду такъ жить. Укорять меня не въ чемъ, обижаться на меня не за что.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сдержанно*).

Такъ, такъ! Очень хорошо... Ну что-жъ? Женитесь. Мы вамъ не помѣха. Только на какіе-же капиталы жить-то будете? Коли не секретъ—скажите.

НИЛЪ.

Работать будемъ. Я перевожусь въ депо... А она... у нея тоже дѣло будетъ. Вы по прежнему будете получать съ меня тридцать рублей въ мѣсяцъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Поглядимъ. Посулы легки...

НИЛЪ.

Вексель возьмите съ меня...

ТЕТЕРЕВЪ.

Мѣщанинъ! Возьми съ него вексель! Возьми!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Васъ въ это дѣло не просятъ мѣшаться...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Тоже... совѣтчикъ какой!

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, ты возьми. Не возьмешь вѣдь—совѣсть коротка, не посмѣешь... Нилъ, дай ему подписку! Обязуюсь, молъ, ежемѣсячно...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я могу и подписку взять... есть за что, такъ я думаю. Съ десяти лѣтъ кормилъ, поилъ, обувалъ, одѣвалъ... до двадцати семи... Н-да...

НИЛЪ.

Не лучше ли вамъ послѣ считаться, не сейчасъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Можно и послѣ. (*Вдругъ вскипая*). Ну, только помни, Нилъ, отнынѣ ты мнѣ... и я тебѣ—враги! Обиды этой я не прощу. Знай!

НИЛЪ.

Да какая обида? Въ чемъ обида? Вѣдь не ожидали же вы, что я на васъ женюсь?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*кричитъ, не слушая*).

Помни! Издѣваться надъ тѣмъ, кто тебя кормилъ, поилъ... безъ спроса... безъ совѣта... тайно... Ты! Смирная! Тихая! Что понурилась? А? Молчишь? А знаешь, что я могу тебя...

НИЛЪ (*вставая со стула*).

Ничего вы не можете. Будетъ шумѣть. Въ этомъ домѣ я тоже—хозяинъ. Я десять лѣтъ работалъ и заработокъ вамъ отдавалъ. Здѣсь, вотъ тутъ (*топаетъ ногою въ полъ и широкимъ жестомъ руки указываетъ кругомъ себя*) вложено мною не мало. Хозяинъ тотъ, кто трудится...

(*Во время рѣчи Нила Поля встаетъ и уходитъ. Въ дверяхъ ей встрѣчаются Петръ и Татьяна. Петръ, заглянувъ въ комнату, скрывается. Татьяна стоитъ въ дверяхъ, держась за косякъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*ошеломленно таращитъ глаза на Нила*).

Ка-акъ? Хозяинъ? Ты?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Уйдемъ, отецъ! Уйдемъ... пожалуйста, уйдемъ! (*Грозя кулакомъ Нилу*). Ну, Нилка! Ну, ужъ... погоди! (*Со слезами*). Ужъ погоди... дождешься!

НИЛЪ (*настойчиво*).

Да, хозяинъ тотъ, кто трудится... Запомните-ка это!

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*тащитъ за собою мужа*).

Идемъ, старикъ! И-идемъ. Богъ съ ними!.. Не говори, не кричи! Кто насъ услышитъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*уступая усиліямъ жены*).

Ну, хорошо... оставайся... хозяинъ! Поглядимъ... кто хозяинъ! Увидимъ!

(*Уходитъ къ себѣ. Нилъ взволнованно расхаживаетъ по комнатѣ. Гдѣ-то на улицѣ далеко играетъ шарманка*).

НИЛЪ.

Вотъ заварилъ кашу! И чортъ меня дернулъ спросить ее!.. Дуракъ! Т.-е., положительно не могу я ничего скрыть... лѣзетъ все наружу помимо воли! Ахъ ты...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего. Сцена очень интересная. Я слушалъ и смотрѣлъ съ удовольствіемъ. Очень не дурно, очень. Не волнуйся, братъ. У тебя есть способности... ты можешь играть героическія роли. Въ данный моментъ герой нуженъ... повѣрь мнѣ! Въ наше время всѣ люди должны быть дѣлимы на героевъ, т.-е., дураковъ, и на подлецовъ, т.-е., людей умныхъ...

НИЛЪ.

Чего ради заставилъ я Полю пережить такую... гадость?.. Испугалась... нѣтъ, она не пуглива! Обидѣлась, навѣрно... тьфу!

(*Татьяна, все еще стоя въ дверяхъ, при имени Поли дѣлаетъ движеніе. Звуки шарманки умолкаютъ*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Людей очень удобно дѣлить на дураковъ и мерзавцевъ. Мерзавцевъ — тьма. Они живутъ умомъ звѣринымъ, они вѣрятъ только въ правду силы... не моей силы, не этой вотъ, заключенной въ груди моей, а въ силу хитрости... Хитрость—умъ звѣря.

НИЛЪ (*не слушая*).

Теперь придется ускорить свадьбу... Ну, и ускоримъ... Да, она еще не отвѣтила мнѣ. Но я знаю, что она скажетъ, милая моя дѣвушка... Какъ ненавижу я этого человѣка... этотъ домъ... всю жизнь эту... гнилую жизнь. Здѣсь всѣ... какіе-то уроды. Никто не чувствуетъ, что жизнь испорчена ими, низведена къ пу-

стякамъ... что изъ нея они дѣлаютъ себѣ темницу, каторгу, несчастіе... какъ они ухитряются дѣлать это? Не понимаю. Но — ненавижу людей, которые портятъ жизнь...

(*Татьяна дѣлаетъ шагъ впередъ, останавливается. Потомъ неслышно идетъ къ сундуку и садится на него, въ углу. Она согнулась, стала маленькой и еще болѣе жалкой*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Жизнь украшаютъ дураки. Дураковъ—немного. Они все ищутъ чего-то, что не имъ нужно, не только имъ однимъ... Они любятъ выдумывать проспекты всеобщаго счастья и подобной ерунды. Хотятъ найти начала и концы всего сущаго. Вообще—дѣлаютъ глупости...

НИЛЪ (*задумчиво*).

Да, глупости. На это я мастеръ... ну, она потрезвѣе меня... Она—тоже любитъ жить... такой внимательной, спокойной любовью... Знаешь, мы съ ней великолѣпно будемъ жить! Мы оба смѣлые... и, если захотимъ чего, достанемъ! Да, мы съ ней достанемъ... Она какая-то... новорожденная... (*Смѣется*). Мы съ ней прекрасно будемъ жить!

ТЕТЕРЕВЪ.

Дуракъ можетъ всю жизнь думать о томъ, почему стекло прозрачно, а мерзавецъ просто дѣлаетъ изъ стекла бутылку...

(*Вновь играетъ шарманка уже ближе, почти подъ окнами*).

НИЛЪ.

Ну, ты все о бутылкахъ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, я о дуракахъ. Дуракъ спрашиваетъ себя, гдѣ огонь, пока онъ не зажженъ, куда дѣвался, когда угасаетъ. А мерзавецъ сидитъ у огня и ему тепло...

НИЛЪ (*задумчиво*).

Да-а... тепло.

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ сущности — они оба глупы. Но — одинъ глупъ красиво, геройски, другой — тупо, нищенски глупо. И оба они, хотя разными дорогами, но приходятъ въ одно мѣсто—въ могилу, только въ могилу, другъ мой... (*Хохочетъ. Татьяна тихо качаетъ головой*).

НИЛЪ (*Тетереву*).

Ты чего?

ТЕТЕРЕВЪ.

Смѣюсь... Оставшіеся въ живыхъ дураки смотрятъ на умершаго собрата и спрашиваютъ себя—гдѣ онъ? А мерзавцы просто наслѣдуютъ имущество покойнаго и продолжаютъ жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... (*Хохочетъ*).

НИЛЪ.

Однако, ты здорово напился... Шелъ бы къ себѣ, а?

ТЕТЕРЕВЪ.

Укажи, гдѣ это?

НИЛЪ.

Ну, не дури. Хочешь отведу?

ТЕТЕРЕВЪ.

Меня, братъ, не отведешь. Я не состою въ родствѣ ни съ обвиняемыми... ни съ потерпѣвшими. Я — самъ по себѣ. Я—вещественное доказательство преступленія! Жизнь испорчена! Она—скверно сшита... Не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, говорю я. Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... и вотъ я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить...

НИЛЪ.

Ну, иди же, иди!

ТЕТЕРЕВЪ.

Оставь меня! Ты думаешь, я могу упасть? Я уже упалъ, чудакъ ты! Давно-о. Я, впрочемъ, думалъ было подняться, но прошелъ мимо ты и, не замѣтивъ, не нарочно, вновь толкнулъ меня! Ничего, иди себѣ! Иди, я не жалуюсь... Ты здоровъ и достоинъ идти, куда хочешь, такъ, какъ хочешь... Я, падшій, сопровождаю тебя взглядомъ одобренія—иди!

НИЛЪ.

Что ты болтаешь? Интересно что-то, но не понятно...

ТЕТЕРЕВЪ.

И не понимай! Не надо! Нѣкоторыя вещи лучше не понимать, ибо понимать ихъ безполезно. Ты иди, иди!

НИЛЪ.

Ну, хорошо, я ухожу. (*Уходитъ въ сѣни, не замѣчая Татьяну, прижавшуюся въ углу*).

ТЕТЕРЕВЪ (*кланяясь вслѣдъ ему*).

Желаю счастія, грабитель! Ты незамѣтно для себя отнялъ мою послѣднюю надежду и... чортъ съ ней! (*Идетъ къ столу, гдѣ оставилъ бутылку, и замѣчаетъ въ углу комнаты фигуру Татьяны*). Это-о кто, собственно говоря?

ТАТЬЯНА (*тихо*).

Это я... (*Звуки шарманки сразу обрываются*).

ТЕТЕРЕВЪ.

Вы? Мм... а я думалъ, мнѣ почудилось...

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, это я...

ТЕТЕРЕВЪ.

Понимаю... Но—почему вы? Почему вы тутъ?

ТАТЬЯНА

(*не громко, но ясно, отчетливо*).

Потому что мнѣ негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить... (*Тетеревъ молча идетъ къ ней тихими шагами*). Я не знаю, отчего я такъ устала и такъ тоскливо мнѣ... но... понимаете, до ужаса тоскливо! Мнѣ только двадцать восемь лѣтъ... мнѣ стыдно, увѣряю васъ, мнѣ очень стыдно чувствовать себя такъ... такой слабой, ничтожной... Внутри у меня, въ сердцѣ моемъ—пустота... все высохло, сгорѣло, я это чувствую и мнѣ больно отъ этого... Какъ-то незамѣтно случилось это... Незамѣтно для меня, въ груди выросла пустота... зачѣмъ я говорю вамъ это?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не понимаю... Сильно пьянъ... Совсѣмъ не понимаю...

ТАТЬЯНА.

Никто не говоритъ со мною, какъ я хочу... какъ мнѣ хотѣлось бы... я надѣялась, что онъ... заговоритъ... Долго ожидала я, молча... А эта жизнь... ссоры, пошлость, мелочи... тѣснота—все это раздавило меня тою порой... Потихоньку, незамѣтно раздавило... Нѣтъ силъ жить... и даже отчаяніе мое безсильно... Мнѣ страшно стало... сейчасъ вотъ... вдругъ... мнѣ страшно...

ТЕТЕРЕВЪ

(*качая головой, отходитъ отъ нея къ двери и, отворивъ дверь, говоритъ, тяжело ворочая языкомъ*).

Проклятіе дому сему!.. И больше ничего...

(*Татьяна медленно идетъ въ свою комнату. Минута пустоты и тишины. Быстро, неслышными шагами*

входитъ Поля и за нею Нилъ. Они безъ словъ проходятъ къ окнамъ и тамъ, схвативъ Полю за руку, Нилъ вполголоса говоритъ).

НИЛЪ.

Ты прости меня за давешнее... это вышло глупо и скверно... но я не умѣю молчать, когда хочу говорить!

ПОЛЯ (*почти шопотомъ*).

Все равно... теперь все равно! Что ужъ мнѣ всѣ они? Все равно...

НИЛЪ.

Я знаю, ты меня любишь... я вижу... я не спрашиваю тебя. Ты—смѣшная! Вчера сказала: отвѣчу завтра, мнѣ надо подумать. Вотъ смѣшная! О чемъ думать—вѣдь любишь?

ПОЛЯ.

Ну да, ну да... давно ужъ... (*Татьяна крадется изъ двери своей комнаты, встаетъ за занавѣсомъ и слушаетъ*).

НИЛЪ.

Мы славно будемъ жить, увидишь. Ты—такой милый товарищъ... нужды ты не боишься... горе—одолѣешь...

ПОЛЯ (*просто*).

Съ тобой—чего же бояться? Да я и такъ—одна не робкая.... я только смирная...

НИЛЪ.

И ты упрямая... сильная, не согнешься... Ну, вотъ... радъ я... Вѣдь зналъ, что все такъ будетъ, а радъ... страшно.

ПОЛЯ.

Я тоже знала все впередъ...

НИЛЪ.

Ну? Знала? Это хорошо... Эхъ, хорошо жить на свѣтѣ! Вѣдь хорошо?

ПОЛЯ.

Хорошо... милый ты мой другъ... славный ты мой человѣкъ...

НИЛЪ.

Какъ ты это говоришь... вотъ великолѣпно сказала!

ПОЛЯ.

Ну, не хвали... надо идти... надо идти... придетъ кто-нибудь...

НИЛЪ.

А пускай ихъ!..

ПОЛЯ.

Нѣтъ, надо!.. Ну... поцѣлуй еще!.. *(Вырвавшись изъ рукъ Нила, она пробѣгаетъ мимо Татьяны, не замѣчаетъ ее. А Нилъ, идя за ней съ улыбкой на лицѣ, увидалъ Татьяну и остановился передъ ней, пораженный ея присутствіемъ и возмущенный. Она тоже молчитъ, глядя на него мертвыми глазами, съ кривой улыбкою на лицѣ).*

НИЛЪ (*презрительно*).

Подслушивала? Подглядывала? Э-эхъ ты!.. (*Быстро уходитъ. Татьяна стоитъ неподвижно, какъ окаменѣлая. Уходя, Нилъ оставляетъ дверь въ сѣни открытой; въ комнату доносится суровый окрикъ старика Безсѣменова:* «Степанида! Кто угли разсыпалъ? Не видишь? Подбери!»).

Мѣщане.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Та-же комната.
Утро. Степанида стираетъ съ мебели пыль.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(моетъ чайную посуду и говоритъ).

Говядина-то сегодня не жирна, такъ ты сдѣлай вотъ что: отъ вчерашняго жаркого сало должно остаться,— ты его запусти во щи... они и покажутъ себя жирными... Слышишь?

СТЕПАНИДА.

Слышу...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А телятину будешь жарить, масла-то много не вали въ плошку... въ середу пять фунтовъ я купила, а вчера, смотрю, ужъ и фунта не осталось...

СТЕПАНИДА.

Стало-быть, вышло...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю, что вышло... Вотъ у тебя его въ головѣ-то сколько... какъ у мужика дегтя въ мазницѣ...

СТЕПАНИДА.

Нешто вы по духу не слышите, что я деревяннымъ изъ лампадки мажусь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, ладно ужъ... *(Пауза).* Куда тебя утромъ Татьяна-то посылала?

СТЕПАНИДА.

Въ аптеку... За спиртомъ нашатырнымъ... Поди, говоритъ, купи мнѣ на двадцать копѣекъ нашатырнаго спирту...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Видно, голова болитъ... *(Вздыхая).* То и дѣло хвораетъ она у насъ...

СТЕПАНИДА.

Замужъ-бы выдали... Оздоровѣла-бы сразу, небойсь...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не больно-то легко нынче замужъ выдать дѣвицу... а образованную-то... еще труднѣе...

СТЕПАНИДА.

Приданое хорошее дадите, и образованную кто-нибудь возьметъ...

(Петръ выглядываетъ изъ своей комнаты и скрывается).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не увидятъ мои глазыньки этой радости... Не хочетъ Таня замужъ выходить...

СТЕПАНИДА.

Гдѣ ужъ, чай, не хотѣть... въ ее-то лѣтахъ.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Э-эхе-хе!.. Кто вчера у верхней-то постоялки въ гостяхъ былъ?

СТЕПАНИДА.

Учитель этотъ... рыжій-то.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Это у котораго жена сбѣжала?..

СТЕПАНИДА.

Ну, ну, онъ! Да акцизный... такой... худущій да желтый съ лица-то...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Знаю. На племянницѣ Пименова купца женатъ... чахоточный онъ, слышь...

СТЕПАНИДА.

Ишь ты!.. Оно и видать...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Пѣвчій нашъ былъ?

СТЕПАНИДА.

И пѣвчій, и Петръ Васильевичъ... Пѣсни оралъ пѣвчій-то... часовъ до двухъ оралъ... вродѣ, какъ быкъ ревѣлъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя-то когда воротился?

СТЕПАНИДА.

Да свѣтало ужъ, какъ дверь-то я ему отперла...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Охо-хо!..

ПЕТРЪ *(входитъ)*.

Ну, Степанида, возись скорѣе и уходи...

СТЕПАНИДА.

Сейчасъ... Я сама рада скорѣе-то...

ПЕТРЪ.

А рада, такъ больше дѣлай, да меньше разговаривай... *(Степанида фыркаетъ и уходитъ)*. Мама! Я васъ не однажды просилъ поменьше разговаривать съ ней... Вѣдь, это-же не хорошо, поймите вы, наконецъ, вступать въ интимныя бесѣды съ кухаркой... и выспрашивать у нея... разныя разности. Не хорошо.

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(обиженно)*.

Что-же, у тебя прикажешь спрашиваться, съ кѣмъ говорить мнѣ можно? Ты своей бесѣдой меня съ отцомъ не жалуешь, такъ позволь хоть со слугой-то слово сказать...

ПЕТРЪ.

Да, поймите-же, что она вамъ не пара. Вѣдь, кромѣ сплетни какой-нибудь, вы отъ нея ничего не услышите.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А отъ тебя что я слышу? Полгода ты живешь дома-то, а ни разу съ матерью своей родной часу не просидѣлъ вмѣстѣ... ничего-то не разсказалъ ей... и что въ Москвѣ, и какъ...

ПЕТРЪ.

Ну, послушайте...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А заговоришь когда,—одни огорченія отъ тебя... То не такъ, это—не эдакъ... мать родную, какъ дѣвчонку, учить начнешь да укорять, да насмѣхаться... *(Петръ, махнувъ рукой, быстро уходитъ въ сѣни. Акулина Ивановна вслѣдъ ему).* Ишь, вотъ сколько наговорилъ!.. *(Отираетъ глаза концомъ передника и всхлипываетъ).*

ПЕРЧИХИНЪ

(входитъ; онъ въ рваной курткѣ, изъ дыръ ея торчитъ грязная вата, подпоясанъ веревкой, въ лаптяхъ и мѣховой шапкѣ).

Ты чего куксишься? Али Петруха обидѣлъ? Чего-то онъ мимо меня, какъ стрижъ, вильнулъ... даже здравствуй не сказалъ. Поля здѣсь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(вздыхая).*

Въ кухнѣ, капусту шинкуетъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Вотъ у птицъ—хорошъ порядокъ. Оперился птенецъ, лети на всѣ четыре стороны... никакой ему муштровки отъ отца съ матерью нѣтъ... Чайку тутъ мнѣ не осталось?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты, видно, тоже птичьихъ порядковъ придерживаешься въ своемъ-то быту?

ПЕРЧИХИНЪ.

Вотъ, именно, это самое. И хорошо, вѣдь. Ничего у меня нѣтъ, никому я не мѣшаю... вродѣ, какъ не на землѣ, а на воздухѣ живу.

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(презрительно).*

И никакого уваженья отъ людей не имѣешь. На, пей... холодный только чай-то... да и жидковатъ немного...

ПЕРЧИХИНЪ

(поднимая стаканъ на свѣтъ).

Не густо... ну, спасибо, хоть не пусто. Въ густомъ-то еще, пожалуй, увязнешь... А что до уваженія, такъ сдѣлайте милость, — не уважайте... я самъ никого не уважаю...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А кому оно—уваженіе твое нужно? Никому...

ПЕРЧИХИНЪ.

И отличное дѣло... Я такъ замѣчаю, что люди, которые на землѣ свой кусъ хлѣба берутъ,—другъ у друга изо рта его дерутъ. А я получаю пищу изъ воздуха... отъ небесныхъ птицъ кормлюсь... мое дѣло чистенькое...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, а свадьба скоро?

ПЕРЧИХИНЪ.

Чья? Моя, что-ли? Такъ еще та кукушка, которая за меня-бы замужъ пошла, въ здѣшніе лѣса не прилетала, шельма... Пожалуй, совсѣмъ опоздаетъ... не дождамшись,—помру...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ты не болтай пустяковъ, а прямо говори, когда вѣнчаешь?

ПЕРЧИХИНЪ.

Кого?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Будто не знаетъ... ишь!

ПЕРЧИХИНЪ.

Дочь? Когда захочетъ, обвѣнчаю... коли будетъ съ кѣмъ вѣнчать...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Давно-ли это у нихъ затѣялось?

ПЕРЧИХИНЪ.

Что? У кого?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да не ломай паяца-то. Вѣдь, сказала же она хоть тебѣ-то...

ПЕРЧИХИНЪ.

Про что?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Про свадьбу...

ПЕРЧИХИНЪ.

Это про чью?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Тьфу тебѣ! Старикъ ужъ, вѣдь, стыдился-бы юродствовать-то.

ПЕРЧИХИНЪ.

Ты погоди. Ты не серчай... а скажи просто, въ чемъ суть дѣла?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Говорить-то съ тобой охоты нѣтъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

А ты говоришь... да еще сколько времени говоришь и—все безъ толку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА
(сухо, съ завистью).

Когда Палагею съ Ниломъ вѣнчать будешь?

ПЕРЧИХИНЪ
(вскакивая, изумленный).

Что-о? Съ Ниломъ... ну-у?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Неужто вправду она тебѣ не говорила? Ну, люди пошли... Отцу родному...

ПЕРЧИХИНЪ *(радостно).*

Да что ты? Да шутишь? Нилъ? Ахъ, раздуй ихъ горой! Въ сам-дѣлѣ? Ахъ, черти! Ай, да Полька: это ужъ цѣлая кадрель, а не полька... Нѣтъ, ты не врешь? Ну-у, ловко! А я такъ расположилъ въ умѣ, что Нилъ на Татьянѣ женится... Правое слово. Такая видимость была, что какъ-бы на Татьянѣ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(обиженно).*

Еще кто-бы за него выдалъ Татьяну. Очень намъ нужно... такого отбойнаго...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нила-то очень нужно? Что ты. Да я бы... да будь у меня десять дочерей, я бы, закрывъ глаза, всѣхъ ему отдалъ. Нилъ? Да онъ... онъ сто человѣкъ одинъ прокормитъ. Нилъ-то? Ха, ха!

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(съ ироніей).*

Смотрю я,—тесть у него хорошъ будетъ; о-очень пріятенъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Тесть? Вона. Не захочетъ этотъ тесть никому на шею сѣсть... ихъ ты! На комаринскаго меня даже подбиваетъ съ радости... Да я теперь совсѣмъ свободный мальчикъ. Теперь я—такъ заживу-у. Никто меня и не увидитъ... Прямо въ лѣсъ,—и пропалъ Перчихинъ. Ну, Поля! Я, бывало, думалъ, дочь... какъ жить будетъ? И было мнѣ предъ ней даже совѣстно... родить родилъ, а больше ничего и не могу... А теперь... теперь я... куда хочу—уйду. Жаръ-птицу ловить уйду за самыя за тридесять земель.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Какъ-же уйдешь ты? Отъ счастья не уходятъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Счастье? Мое счастье въ томъ и состоитъ, чтобы уходить... А Полька будетъ счастлива... она будетъ... Съ Ниломъ-то? Здоровый, веселый, простой... У меня даже мозги въ головѣ пляшутъ... а въ сердцѣ—жаворонки поютъ. Ну,—везетъ мнѣ. (*Притопывая*). Поля Нила подцѣпила, она мило поступила... Ихъ ты! Люлималина!

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*входитъ; онъ въ пальто, въ рукѣ картузъ*).

Опять пьянъ!

ПЕРЧИХИНЪ.

Съ радости. Слыхалъ? Палагея-то... (*Радостно смѣется*). За Нила выходитъ. А? Здорово, а?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*холодно и жестко*).

Насъ это не касается... Мы свое получимъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

А я все думалъ, что Нилъ на Татьянѣ намѣренъ жениться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что-съ?

ПЕРЧИХИНЪ.

Правое слово. Потому видимо было, что Татьяна не прочь... и глядѣла она на него такъ... эдакъ знаешь... ну, какъ слѣдуетъ и вообще... и все прочее... а? Вдругъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(спокойно и злобно).*

Вотъ что я тебѣ скажу, милый... Ты хоть и дуракъ, но долженъ понимать, что про дѣвицу говорить такія подлыя слова не позволено. Это—разъ. *(Постепенно повышая голосъ).* За симъ: на кого и какъ глядѣла твоя дочь и кто какъ на нее глядѣлъ и что она за дѣвица,—я не говорю. а только скажу одно: ежели она выходитъ за Нила, туда ей и дорога. Потому обоимъ имъ цѣна—грошъ, и хоть оба они мнѣ обязаны очень многимъ, но я отнынѣ на нихъ плюю. Это—два. Ну-съ, а теперь вотъ что: хоша мы съ тобой и дальніе родственники, но однако погляди на себя, что ты такое? Золоторотецъ. И скажи мнѣ, кто это тебѣ разрѣшилъ придти ко мнѣ въ чистую горницу въ такомъ драномъ видѣ... въ лаптищахъ и во всемъ этомъ уборѣ?

ПЕРЧИХИНЪ.

Что ты, Василій Васильевичъ,—что ты, братъ? Да развѣ я въ первый разъ эдакъ-то...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не считалъ разовъ и не хочу считать. Но вижу одно, коли ты такъ являешься, значитъ,—уваженія къ хозяину дома у тебя нѣтъ. Опять говорю: кто ты? Нищій, шантрапа, рвань коричневая... слыхалъ? Это—три. И—пошелъ вонъ.

ПЕРЧИХИНЪ *(ошеломленный).*

Василій Васильевичъ! За что? За какое...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вонъ! Не финти...

ПЕРЧИХИНЪ.

Опомнись. Я ни въ чемъ предъ тобой...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну! Ступай... а то...

ПЕРЧИХИНЪ

(уходя, съ укоромъ и сожалѣніемъ).

Эхъ, старикъ! Ну, и жаль мнѣ тебя. Прощай.

(Безсѣменовъ, выпрямившись, молча, твердыми, тяжелыми шагами ходитъ по комнатѣ, суровый, мрачный. Акулина Ивановна моетъ посуду, боязливо слѣдя за мужемъ; руки у нея трясутся, губы что-то шепчутъ).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты чего шипишь? Колдуешь, что ли?..

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я молитву... молитву, отецъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Знаешь... не быть мнѣ головой. Вижу,—не быть... Подлецы!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, что ты? Ай, батюшки... а? Да почему? Да еще, можетъ быть...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что—можетъ быть? Федька Досѣкинъ, слесарнаго цеха старшина, въ головы мѣтитъ... Мальчишка! Щенокъ!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да еще, можетъ, не выберутъ его... ты не кручинься...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Выберутъ... видно по всему... Прихожу я, сидитъ онъ въ управѣ... Слышу, поетъ—разливается: жизнь, говоритъ, трудная. Надо, говоритъ, другъ за друга держаться... все, говоритъ, сообща дѣлать... артели, говоритъ... Теперь, дескать, все фабрика... ремесленникамъ жить нельзя врозь. Я говорю: жиды—всему причина. Жидовъ надо ограничить. Губернатору, говорю, жалобу на нихъ: ходу русскимъ не даютъ, и просить его, чтобы выселилъ жидовъ. *(Татьяна тихо отворяетъ дверь и безшумно, пошатываясь, проходитъ въ свою комнату).* А онъ это съ улыбочкой такой и спрашиваетъ: а куда дѣвать тѣхъ русскихъ, которые хуже жидовъ? И началъ разными осторожными словами на меня намекать... Я будто не понимаю, но однако чувствую, куда онъ мѣтитъ... мерзавецъ. Послушалъ,—отошелъ прочь... Погоди, думаю, я тебѣ насолю... А тутъ Михаилъ Крюковъ, печникъ, подошелъ ко мнѣ... знаешь, говоритъ: а головой-то, пожалуй, Досѣкину быть... и глядитъ въ бокъ, конфузится... Хотѣлъ я сказать ему—ахъ, ты, Іуда косоглазый...

ЕЛЕНА *(входитъ).*

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Здравствуйте, Акулина Ивановна...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(сухо).*

А... Вы-съ? Пожалуйте... что скажете?

ЕЛЕНА.

Да вотъ, деньги за квартиру принесла...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(болѣе любезно).*

Доброе дѣло... сколько тутъ? Четвертная... Причитается мнѣ еще съ васъ получить за два стекла въ корридорномъ окнѣ — сорокъ копѣекъ, да за петлю у

двери въ дровяникѣ... кухарка ваша сломала... ну, хоть—двадцать копѣекъ.

ЕЛЕНА *(усмѣхаясь).*

Какой вы... аккуратный. Извольте... у меня нѣтъ мелкихъ... вотъ,—три рубля...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Углей мѣшокъ вы брали... кухарка ваша.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сколько за угли?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

За угли—тридцать пять...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

И всего—девяносто пять... Два съ пятакомъ сдачи... пожалуйте. А на счетъ аккуратности, милая барыня, вы сказали справедливо. Аккуратностью весь свѣтъ держится... Само солнце восходитъ и заходитъ аккуратно, такъ, какъ положено ему отъ вѣка... а ужъ ежели въ небесахъ порядокъ, то на землѣ — тѣмъ паче быть должно... Да вотъ и сами вы, какъ срокъ насталъ, такъ и деньги несете...

ЕЛЕНА.

Я не люблю быть въ долгу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Распрекрасное дѣло. Зато всякій вамъ и повѣритъ...

ЕЛЕНА.

Ну, до свиданья! Мнѣ надо идти...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Наше почтеніе. *(Смотритъ вслѣдъ ей и потомъ говоритъ).* Хороша, шельма. Но все же однако съ превеликимъ удовольствіемъ турнулъ-бы я ее долой съ квартиры...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Хорошо-бы это, отецъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, положимъ... Пока она тутъ... мы можемъ слѣдить. А съѣдетъ,—Петрушка къ ней шляться начнетъ тогда, а за нашими-то глазами она его скорѣе можетъ обойти... Надо принять въ разсчетъ и то, что деньги она платитъ аккуратно... и за всякую порчу въ квартирѣ безсловесно возмѣщаетъ. Н-да. Петръ... конечно, опасно... даже очень...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Можетъ, онъ жениться и не думаетъ на ней... а просто такъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Кабы знать, что такъ... то и говорить намъ не о чемъ, и безпокоиться не надо. Все равно, чѣмъ въ публичные дома таскаться, тутъ прямо подъ бокомъ... и даже лучше. (*Изъ комнаты Татьяны раздается хриплый стонъ*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*тихо*).

А?

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*такъ же*).

Что это?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*говоритъ тихо, безпокойно озирается, какъ бы прислушиваясь къ чему-то*).

Въ сѣняхъ, будто...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*громко*).

Кошка, должно быть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*нерѣшительно*).

Знаешь, отецъ... хочу я тебѣ сказать...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, говори...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не больно-ли ты строго съ Перчихинымъ-то поступилъ? Онъ, вѣдь, безобидный...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А безобидный, такъ и не обидится, если же обидится, — потеря намъ не велика... знакомство съ нимъ — честь не дорогая... *(Стонъ повторяется громче).* Кто это... мать?..

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(сустясь).*

Не знаю я... право... что это...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(бросаясь въ комнату Петра).

Тутъ, что-ли? Петръ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(бѣжитъ за нимъ въ ужасѣ).

Петя, Петя... Петя...

ТАТЬЯНА *(хрипло кричитъ).*

Спасите... мама... спасите... спасите... *(Безсѣменовъ и Акулина Ивановна выбѣгаютъ изъ комнаты Петра и бѣгутъ на крикъ молча; у двери въ комнату они на секунду останавливаются, какъ бы не рѣшаясь войти, и затѣмъ бросаются въ дверь оба вмѣстѣ. Навстрѣчу имъ несутся крики Татьяны).* Горитъ... о-о! Больно... пить! Дайте пить... спасите...

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(выбѣгая изъ комнаты, растворяетъ дверь въ сѣни и кричитъ).

Батюшки! Милосердные!.. Петя!.. *(Въ комнатѣ Татьяны слышенъ глухой голосъ Безсѣменова:* «Что ты... доченька... что ты... что съ тобой... доченька...»).

ТАТЬЯНА.

Воды... Умираю... Горитъ все... о... Боже!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Идите... сюда идите, батюшки...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*изъ комнаты*).

Бѣги, зови доктора...

ПЕТРЪ (*вбѣгаетъ*).

Что такое? Что вы?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*схватываетъ его за руку, задыхаясь*).

Таня... умираетъ...

ПЕТРЪ (*вырываясь*).

Пустите... пустите...

ТЕТЕРЕВЪ

(*надѣвая по дорогѣ пиджакъ*).

Горитъ, что-ли?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Доктора... Доктора зови, Петръ... двадцать пять рублей давай.

ПЕТРЪ

(*выскакивая изъ комнаты сестры,—Тетереву*).

Доктора! за докторомъ... скажите: отравилась... женщина... дѣвушка... нашатырный спиртъ... скорѣй, скорѣй!

(*Тетеревъ бѣжитъ въ сѣни*).

СТЕПАНИДА (*вбѣгаетъ*).

Батюшки мои!.. батюшки мои!..

ТАТЬЯНА.

Петя... горю. Умираю... жить хочу. Жить... воды дайте.

2269061

ПЕТРЪ.

Сколько ты приняла? Когда ты выпила? Говори...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Доченька моя... Танечка...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Погубила себя, голубушка.

ПЕТРЪ.

Мама, уйдите!.. Степанида, уведи ее... уйдите, говорятъ вамъ... *(Елена пробѣгаетъ въ комнату Татьяны).* Уведите мать...

(Входитъ баба, останавливается у дверей, заглядываетъ въ комнату и что-то шепчетъ).

ЕЛЕНА

(выводитъ Акулину Ивановну подъ руки и бормочетъ).

Это ничего... это не опасно...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Голубушка моя! Доченька... чѣмъ я тебя обидѣла? Чѣмъ прогнѣвала?

ЕЛЕНА.

Это пройдетъ... вотъ докторъ... онъ поможетъ... О, какое несчастіе!

БАБА

(подхватывая Акулину Ивановну подъ другую руку).

Не кручиньтесь, матушка. То-ли бываетъ? Эхъ, болѣзная... Вонъ у купца Ситанова... лошадь кучера копытомъ въ бокъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Милая ты моя... что я буду дѣлать-то? Единственная моя... *(Ее уводятъ).*

(Въ комнатѣ Татьяны ея крики смѣшиваются съ глухимъ голосомъ отца и нервными, отрывистыми словами Петра. Гремитъ какая-то посуда, падаетъ стулъ, скрипитъ желѣзо кровати, мягко шлепается о полъ подушка. Степанида нѣсколько разъ выбѣгаетъ изъ комнаты, растрепанная, съ открытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, хватаетъ изъ шкафа тарелки, чашки, что-то разбиваетъ и снова скрывается. Изъ сѣней заглядываютъ въ дверь какія-то рожи, но никто не рѣшается войти. Вскакиваетъ маляръ-мальчишка и, взглянувъ въ дверь къ Татьянѣ, тотчасъ же возвращается назадъ, громкимъ шопотомъ сообщая: «помираетъ». *На дворѣ раздаются звуки шарманки, но тотчасъ же обрываются. Среди людей въ сѣняхъ глухой говоръ:* «Убилъ? Отецъ... Онъ ей говорилъ: эй, говоритъ, смотри у меня?.. По головѣ... Чѣмъ? Не знаешь? Что врешь,—зарѣзалась она своей рукой»... *Женскій голосъ спрашиваетъ:* «замужняя?». *Кто-то громко съ сожалѣніемъ чмокаетъ губами).*

БАБА

(выходитъ изъ комнаты стариковъ; проходя мимо стола, суетъ себѣ подъ платокъ булку и, подходя къ двери, говоритъ).

Тише. Отходитъ...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ имя?

БАБА.

Лизавета...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Съ чего это она?..

БАБА.

А, стало быть, еще въ Успеньевъ день, сказалъ онъ ей: Лизавета, говоритъ...

(Въ толпѣ движеніе. Входятъ докторъ и Тетеревъ. Докторъ въ шляпѣ и пальто проходитъ прямо въ комнату Татьяны. Тетеревъ заглядываетъ въ дверь и отходитъ прочь, хмурый. Изъ комнаты Татьяны все продолжаютъ доноситься смѣшанный говоръ и стоны. Изъ комнаты стариковъ—вой Акулины Ивановны и ея крики: «Пусти меня! Пусти ты меня къ ней!» *Въ сѣняхъ глухой шумъ голосовъ. Выдѣляются восклицанія:* «Серьезный человѣкъ. Это—пѣвчій... Н-ну? Ей-ей... отъ Ивана Предтечи»).

ТЕТЕРЕВЪ *(подходя къ двери).*

Вы чего тутъ? Пошли прочь! Ну?

БАБА *(тоже суется въ дверь).*

Проходите, люди добрые... некасаемо это васъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ты кто такая? Тебѣ чего надо...

БАБА.

Я, батюшка, овощью торгую... лукомъ зеленымъ, огурчиками...

ТЕТЕРЕВЪ.

Тебѣ что нужно?

БАБА.

Я, батюшка, къ Семягиной шла... кума она мнѣ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну? Что же тебѣ тутъ нужно?..

БАБА.

А мимо я иду... шумъ слышу... думала, пожаръ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ну?

БАБА.

И зашла... На несчастіе посмотрѣть зашла.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ступай вонъ... Вы всѣ. Вонъ изъ сѣней!..

СТЕПАНИДА *(выбѣгаетъ).*

Тащи ведро воды... тащи живо!

(Въ дверяхъ высовывается съденькій старичекъ съ подвязанной щекой и, подмигивая, говоритъ Тетереву: «Господинъ! Она у васъ тутъ со стола булочку стащила...» *Тетеревъ идетъ въ сѣни, толкая людей вонъ изъ нихъ. Въ сѣняхъ топотъ, возня, визжитъ мальчишка:* «ой-ой»! *Кто-то смѣется, кто-то обиженно восклицаетъ:* «Потише-съ!»).

ТЕТЕРЕВЪ *(невидимый).*

Къ чорту! Маршъ!

ПЕТРЪ

(выглядываетъ изъ двери).

Тише... *(Обращаясь въ комнату).* Иди, отецъ, иди къ мамѣ. Ну, иди-же. *(Кричитъ въ сѣни).* Не пускайте никого!..

(Безсѣменовъ выходитъ, качаясь на ногахъ. Садится на стулъ у стола, тупо смотритъ предъ собой. Потомъ встаетъ и идетъ въ свою комнату, откуда слышенъ голосъ Акулины Ивановны).

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я-ли ее не любила? Я-ли не берегла?

ЕЛЕНА.

Ну, успокойтесь... милая моя...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ! Родной ты...

(Дверь за Безсѣменовымъ затворяется и конца рѣчи не слышно. Комната пуста. Съ двухъ сторонъ въ нее несется шумъ: звуки голоса изъ комнаты Безсѣмено-

выхъ; тихій говоръ, стоны и возня изъ комнаты Татьяны. Тетеревъ вноситъ ведро воды, ставитъ у двери и осторожно стучитъ въ нее пальцемъ. Степанида отворяетъ дверь, беретъ ведро и тоже выходитъ въ комнату, отирая потъ съ лица).

ТЕТЕРЕВЪ.

Что?

СТЕПАНИДА.

Ничего, слышь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Это докторъ сказалъ?

СТЕПАНИДА.

Онъ. Да гдѣ ужъ... (*Безнадежно махаетъ рукой*). Отца съ матерью пускать не велятъ туда...

ТЕТЕРЕВЪ.

Ей лучше?

СТЕПАНИДА.

А кто знаетъ? Не стонетъ, перестала... Зеленая вся... глаза огромные... Недвижима лежитъ... (*Укоризненнымъ шопотомъ*). Я говорила имъ... сколько разовъ говорила: выдайте ее замужъ. Эй, выдайте! Не послушали... ну, и вотъ оно. Да развѣ здорово дѣвицѣ до этакой поры безъ мужа? Опять же: въ Бога не вѣровала... ни тебѣ помолиться, ни тебѣ перекреститься... Ну, вотъ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Молчи... ворона.

ЕЛЕНА (*входитъ*).

Ну что, что она?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю... Докторъ, будто, сказалъ, что не опасно...

ЕЛЕНА.

Старики убиты... жалко ихъ.

(*Тетеревъ молча пожимаетъ плечами*).

СТЕПАНИДА

(бѣжитъ вонъ изъ комнаты).

Батюшки! И про кухню-то забыла...

ЕЛЕНА.

И отчего? Что случилось? Бѣдная Таня... какъ, должно быть, больно ей... *(Морщится и вздрагиваетъ).* Вѣдь это больно? Очень больно? Очень? Страшно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю. Я никогда не пилъ нашатырнаго спирта...

ЕЛЕНА.

Какъ вы можете шутить.

ТЕТЕРЕВЪ.

Я не шучу...

ЕЛЕНА

(подходитъ къ двери въ комнату Петра, заглядываетъ въ нее).

А Пе... Петръ Васильевичъ еще все тамъ, у нея?

ТЕТЕРЕВЪ.

Очевидно... ибо онъ оттуда не выходилъ...

ЕЛЕНА *(задумчиво).*

Воображаю, какъ на него это подѣйствовало... (*Пауза*)... Когда я... когда мнѣ случается видѣть... что-нибудь подобное этому... я ощущаю въ себѣ ненависть къ несчастью...

ТЕТЕРЕВЪ (*улыбаясь*).

Это похвально.

ЕЛЕНА.

Вы понимаете? Такъ бы вотъ хватила его, бросила себѣ подъ ноги и раздавила... все, навсегда.

ТЕТЕРЕВЪ.

Несчастье?

ЕЛЕНА.

Ну, да. Я его не боюсь, а именно не-на-ви-жу. Я люблю жить весело, разнообразно, люблю видѣть много людей... и я умѣю дѣлать такъ, чтобы и мнѣ, и тѣмъ, кто около меня, жилось легко, радостно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Паки похвально.

ЕЛЕНА.

И—знаете что? Я вамъ покаюсь... я очень черствая... такая жесткая. Я, вѣдь, и людей несчастныхъ не люблю... понимаете, есть такіе люди, которые всегда несчастны, что хотите, дѣлайте съ ними. Надѣньте на голову такому человѣку вмѣсто шляпы солнце, — что можетъ быть великолѣпнѣе,—онъ все же будетъ ныть и жаловаться: «Ахъ, я такъ несчастенъ! я такъ одинокъ! Никто не обращаетъ на меня вниманія... Жизнь темна и скучна... Охъ! Ахъ! Ой! Увы!..» Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желаніе сдѣлать его еще болѣе несчастнымъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Милая барыня! Я тоже покаюсь... Терпѣть не могу, когда женщины философствуютъ, но когда вы разсуждаете, мнѣ хочется цѣловать вамъ руки...

ЕЛЕНА *(лукаво и капризно).*

Только? И только тогда, когда разсуждаю?.. *(Спохватясь).* Ай-ай-ай! Я шучу, дурачусь, тогда какъ тамъ—страдаетъ человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ

(указывая на дверь стариковъ).

И тамъ страдаетъ. И всюду, куда бы вы ни указали пальцемъ,—вездѣ страдаетъ человѣкъ. Такая ужъ у него привычка...

ЕЛЕНА.

А все-таки ему больно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Разумѣется...

ЕЛЕНА.

И нужно его пожалѣть.

ТЕТЕРЕВЪ.

Не всегда... И едва-ли даже когда-нибудь человѣка нужно пожалѣть... Лучше,—помочь ему.

ЕЛЕНА.

Всѣмъ не поможешь... и, не пожалѣвши,—не поможешь...

ТЕТЕРЕВЪ.

Барыня! Я разсуждаю такъ: страданія — отъ желаній. Въ человѣкѣ есть желанія, заслуживающія уваженія, и есть желанія, не заслуживающія такового. Помогите ему удовлетворить тѣ желанія тѣла, кои необходимы для того, чтобы онъ былъ здоровъ и силенъ, и тѣ, которыя облагородивъ его, возвысятъ надъ скотомъ...

ЕЛЕНА *(не слушая его).*

Можетъ быть... можетъ быть, и такъ... Но что тамъ дѣлается? Что, она уснула? Такъ тихо... что-то шепчутъ... Старики тоже... ушли, забились въ свой уголъ... Какъ это странно все. Вдругъ стоны, шумъ, крики, суета... и вдругъ—тишина, неподвижность...

ТЕТЕРЕВЪ.

Жизнь. Покричатъ люди, устанутъ,—замолчатъ... Отдохнутъ, — опять кричать будутъ. Здѣсь же, въ этомъ домѣ—все замираетъ особенно быстро... и крикъ боли, и смѣхъ радости... Всякія потрясенія для него, какъ ударъ палкой по лужѣ грязи... И послѣднимъ звукомъ

всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ. Торжествующая или озлобленная, здѣсь она всегда говоритъ послѣдней...

ЕЛЕНА *(задумчиво).*

Когда я жила въ тюрьмѣ... тамъ было интереснѣе. Мужъ у меня былъ картежникъ... много пилъ, часто ѣздилъ на охоту. Городъ уѣздный... люди въ немъ какіе-то... заштатные... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала, и жила съ арестантами. Они меня любили, право... они, вѣдь, чудаки такіе, если разсмотрѣть ихъ поближе. Удивительно милые и простые люди, увѣряю васъ. Смотрю я на нихъ, бывало, и мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, что вотъ этотъ—убійца, этотъ—ограбилъ, этотъ... еще что-нибудь сдѣлалъ. Спросишь иногда: ты убилъ? Убилъ, матушка Елена Николаевна, убилъ... что подѣлаешь? И мнѣ казалось, что онъ, этотъ убійца, взялъ на себя чужую вину... что онъ былъ только камнемъ, который брошенъ чужою силой... да. Я накупила имъ разныхъ книжекъ, дала въ каждую камеру шашки, карты... давала табакъ... и вино давала, только понемножку... На прогулкахъ они играли въ мячъ, въ городки,—совсѣмъ какъ дѣти, честное слово. Иногда я читала имъ смѣшныя книжки, а они слушали и хохотали... какъ дѣти. Я купила птичекъ, клѣтокъ и въ каждой камерѣ была своя птичка... они любили ее, какъ меня. И знаете,—имъ ужасно нравилось, когда я надѣвала что-нибудь яркое,—красную кофточку, желтую... увѣряю васъ,—они очень любятъ веселые, яркіе цвѣта. И я нарочно одѣвалась для нихъ, какъ можно пестрѣе... *(Вздохнувъ).* Славно было съ ними! Я не замѣтила, какъ прошло три года... и когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о немъ, кажется, сколько о тюрьмѣ... Было жалко уходить изъ нея... и арестанты тоже... имъ тоже было грустно... *(Оглядываетъ комнату).* Здѣсь, въ этомъ

городѣ мнѣ живется хуже... въ этомъ домѣ есть что-то... нехорошее. Не люди не хороши, а... что-то другое... Однако, знаете, мнѣ стало грустно... Тяжело какъ-то... Вотъ мы съ вами сидимъ, говоримъ... а тамъ, можетъ быть, умираетъ человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

И намъ его не жалко...

ЕЛЕНА (*быстро*).

Вамъ не жалко?

ТЕТЕРЕВЪ.

И вамъ...

ЕЛЕНА (*тихо*).

Да, вы правы. Это... не хорошо, я понимаю... но я не чувствую, что это не хорошо. Вы знаете: вѣдь такъ бываетъ, — понимаешь, что дурно, но не чувствуешь этого... Вы знаете: мнѣ больше жалко его... Петра Васильевича, чѣмъ ее... Мнѣ вообще жалко его... ему плохо... да?

ТЕТЕРЕВЪ.

Здѣсь всѣмъ плохо...

ПОЛЯ (*входитъ*).

Здравст...

ЕЛЕНА

(*вскакивая, идетъ къ ней*).

Ш-ш! Тише! Знаете... Таня—отравилась.

ПОЛЯ.

Что-о?

ЕЛЕНА.

Ну, да, да. Вотъ... тамъ у нея докторъ и братъ...

ПОЛЯ.

Умираетъ... умретъ?

ЕЛЕНА.

Никто не знаетъ...

ПОЛЯ.

Изъ-за чего? Сказала? Нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Не знаю. Нѣтъ.

ПЕТРЪ

(высовывая изъ двери взлохмоченную голову).

Елена Николаевна... на минутку... *(Елена быстро уходитъ).*

ПОЛЯ *(Тетереву).*

Что вы смотрите на меня... такъ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Сколько разъ вы такъ спрашивали меня?

ПОЛЯ.

Если все одно и то же... всегда какой-то особый взглядъ... зачѣмъ? (*Подходя вплоть къ нему, строго*). Вы что же... меня считаете виноватой... въ этомъ?

ТЕТЕРЕВЪ (*усмѣхаясь*).

А вы развѣ чувствуете что-то... вродѣ вины?

ПОЛЯ.

Чувствую, что все больше... не люблю васъ... вотъ. Вы скажите лучше,—какъ все это было?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ее вчера тихонько толкнули и — слабая — она сегодня упала... вотъ и все.

ПОЛЯ.

Неправда.

ТЕТЕРЕВЪ.

Что — неправда?

ПОЛЯ.

Я знаю, на что вы намекаете... это неправда... Нилъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Развѣ—Нилъ? При чемъ тутъ Нилъ?

ПОЛЯ.

Ни онъ, ни я... мы оба не при чемъ. Вы... нѣтъ. Я знаю, вы вините насъ... ну, что же? Ну, я его люблю... и онъ меня... это давно началось.

ТЕТЕРЕВЪ (*серьезно*).

Ни въ чемъ я васъ не виню... это вы сами себя въ чемъ-то обвинили и вотъ — оправдываетесь предъ первымъ встрѣчнымъ. Къ чему? Я васъ... очень уважаю... Кто говорилъ вамъ всегда, постоянно, упорно,—уйдите скорѣе изъ этого дома, не ходите въ этотъ домъ, здѣсь — нездорово, здѣсь вамъ разстроятъ душу... Это я говорилъ...

ПОЛЯ.

Ну, что же?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ничего. Я хотѣлъ только сказать, что если бы вы сюда не ходили... вамъ не пришлось бы испытывать того, что вы испытываете сейчасъ... вотъ и все.

ПОЛЯ.

Да... Но какъ же это она? Опасно? Чѣмъ она?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю...

(*Петръ и докторъ выходятъ*).

ПЕТРЪ.

Поля! Пожалуйста, помогите Еленѣ Николаевнѣ...

ТЕТЕРЕВЪ (*Петру*).

Ну, что?

ДОКТОРЪ.

Пустяки, собственно говоря. Вотъ только субъектъ нервный, а то—ничего бы... Выпила немного... обожгла пищеводъ... въ желудокъ проникло спирту, очевидно, тоже мало... да и тотъ выброшенъ обратно...

ПЕТРЪ.

Вы устали, докторъ, присядьте пожалуйста...

ДОКТОРЪ.

Благодарю... Съ недѣлю прохвораетъ... Вотъ у меня на-дняхъ былъ интересный случай... Маляръ, въ нетрезвомъ видѣ, выпилъ вмѣсто пива чайный стаканъ лаку...

(*Безсѣменовъ входитъ. Остановившись у двери своей комнаты, онъ молча, вопросительно и мрачно смотритъ на доктора*).

ПЕТРЪ.

Успокойся, отецъ, это не опасно.

ДОКТОРЪ.

Да, да. Не пугайтесь. Черезъ два, три дня она встанетъ на ноги...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Правда-ли?

ДОКТОРЪ.

Увѣряю васъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну!.. Спасибо! Коли правда... коли не опасно—спасибо! Петръ, ты того... поди-ка сюда?.. (*Петръ подходитъ къ нему. Безсѣменовъ отступаетъ передъ нимъ въ дверь своей комнаты. Шопотъ, звонъ денегъ*).

ТЕТЕРЕВЪ (*доктору*).

Ну, что же маляръ?

ДОКТОРЪ.

Э... какъ-съ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Что же маляръ?

ДОКТОРЪ.

А, маляръ... ничего, выздоровѣлъ... гм... Я, кажется, встрѣчался съ вами... гдѣ-то?

ТЕТЕРЕВЪ.

Можетъ быть...

ДОКТОРЪ.

Вы... э... не лежали въ тифозномъ баракѣ?

ТЕТЕРЕВЪ.

Лежалъ...

ДОКТОРЪ (*радостно*).

Ага! Вотъ, вотъ. То-то, я смотрю,—знакомое лицо... Позвольте... это было весной? да? Кажется, я помню даже имя и фамилію вашу...

ТЕТЕРЕВЪ.

И я васъ помню...

ДОКТОРЪ.

Да?

ТЕТЕРЕВЪ.

Помню. Когда я сталъ оправляться и попросилъ у васъ увеличить мнѣ порцію, вы скроили прескверную рожу и сказали мнѣ: «будь доволенъ тѣмъ, что даютъ. Вашего брата, пьяницъ и бродягъ, много»...

ДОКТОРЪ (*растерянно*).

Позвольте. Это... этого... Извините... вы... ваше имя... я—врачъ Николай Троеруковъ... а...

ТЕТЕРЕВЪ (*подходя къ нему*).

А я—потомственный алкоголикъ и кавалеръ Зеленаго Змія Терентій Богословскій. (*Докторъ отсту-*

паетъ передъ нимъ). Не бойся, не трону... (*Проходитъ мимо. Докторъ растерянно смотритъ вслѣдъ ему, обмахиваясь шляпой. Входитъ Петръ*).

ДОКТОРЪ

(*оглядываясь на дверь въ сѣни*).

До свиданья, однако. Меня ждутъ... Въ случаѣ, если она будетъ жаловаться на боль... повторите... дайте ей еще.... капель... Сильной боли не должно быть... До свиданія... А-а... скажите, тутъ былъ сейчасъ такой... оригинальный господинъ... онъ вашъ родственникъ?..

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, это нахлѣбникъ...

ДОКТОРЪ.

Ага... Очень пріятно... Большой оригиналъ. До свиданья... благодарю васъ. (*Уходитъ. Петръ провожаетъ его въ сѣни. Безсѣменовъ и Акулина Ивановна выходятъ изъ своей комнаты и, осторожно ступая на носки, подвигаются къ двери въ комнату дочери*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Погоди, не ходи туда... Ничего не слыхать. Можетъ, спитъ она... не разбудить-бы... (*Отводитъ старуху въ уголъ къ сундуку*). Н-да, мать. Вотъ и дожили... до праздника. Говору, сплетенъ будетъ теперь по городу— безъ конца...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Отецъ? Что ты? То-ли говоришь? Да хоть во всѣ трубы пускай трубятъ... только бы жива-то осталась. Во всѣ колокола пусть звонятъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, да... я знаю... это такъ... Только ты... эхъ-ма! Не понимаешь ты. Вѣдь,—позоръ это намъ съ тобой.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

А ну... какой позоръ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Дочь отравилась, пойми. Что мы ей, какую боль причинили? Чѣмъ огорчили? Что мы — звѣри для нея? А будутъ говорить разное... Мнѣ—наплевать, я все ради дѣтей стерплю... но только—зачѣмъ? Изъ-за чего? Хоть-бы знать... Дѣти... Живутъ — молчатъ... Что въ душѣ у нихъ? Неизвѣстно. Что въ головахъ? Не вѣдомо. Вотъ обида.

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я понимаю... вѣдь и мнѣ обидно. Все-таки я—мать... Хлопочешь, хлопочешь цѣлый день, и спасибо никто не скажетъ... я понимаю. Да что ужъ... хоть бы живы-здоровы были... а то вотъ на-ко.

ПОЛЯ

(выходитъ изъ комнаты Татьяны).

Она засыпаетъ... Вы потише...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(вставая).*

Ну, какъ она, что? Посмотрѣть-то можно?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Я войду тихонечко? Мы вотъ съ отцомъ...

ПОЛЯ.

Докторъ не велѣлъ пускать никого...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(подозрительно).*

Ты почему знаешь? Тебя при докторѣ не было еще...

ПОЛЯ.

Мнѣ Елена Николаевна передала.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А она — тамъ? Ишь ты, чужому человѣку можно, роднымъ—нельзя. Удивительно...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Обѣдать-то надо въ кухнѣ... чтобы не обезпокоить ее... милая моя... И взглянуть нельзя... (*Махнувъ рукой, уходитъ въ сѣни. Поля стоитъ, прислонясь къ шкафу и глядя на дверь въ комнату Татьяны. Брови у нея нахмурены, губы сжаты, стоитъ она прямо. Безсѣменовъ сидитъ у стола, какъ бы ожидая чего-то).*

ПОЛЯ *(тихо).*

Отецъ мой не былъ здѣсь сегодня?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Совсѣмъ ты не про отца спрашиваешь. Что тебѣ отецъ? Знаю я, кого тебѣ надо... *(Поля удивленно смотритъ на него).* Отецъ твой былъ... да. Грязный, оборванный, лишенный всякаго порядочнаго подобія... Но все-таки ты его должна уважать...

ПОЛЯ.

Я уважаю... Почему вы это говорите?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чтобы ты понимала... Твой отецъ бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить изъ его воли... Но развѣ вы понимаете, что такое отецъ? Всѣ вы — безчувственные... Ты вотъ... дѣвушка бѣдная, безпріютная, ты бы должна быть скромной... ласковой со всѣми... а ты — туда же... пускаешься разсуждать, подражаешь образованнымъ людямъ. Н-да! Вотъ ты замужъ выходишь... а тутъ человѣкъ едва жизни не лишилъ себя...

ПОЛЯ.

Я не понимаю, что вы говорите... и зачѣмъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(видимо, самъ утративъ связь своихъ мыслей, раздражается).

Понимай... думай... затѣмъ и говорю, чтобы понимала ты. Кто ты? А, однако, вотъ, выходишь замужъ. Дочь же моя... чего торчишь тутъ? Иди-ка въ кухню... дѣлай что-нибудь... Я покараулю... иди! *(Поля, съ недоумѣніемъ глядя на него, хочетъ идти).* Постой! Давеча я... крикнулъ на твоего отца...

ПОЛЯ.

За что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не твое дѣло. Ступай... иди! *(Поля уходитъ удивленная. Безсѣменовъ тихо идетъ къ двери Татьяны и, пріотворивъ ее, хочетъ заглянуть. Елена выходитъ и отстраняетъ его).*

ЕЛЕНА.

Не ходите, она спитъ, кажется... Не безпокойте ее...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мм... Насъ безпокоятъ всѣ... это ничего. А васъ— нельзя...

ЕЛЕНА *(удивленно).*

Что вы говорите? Да, вѣдь, она же больная...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Знаю я... Все знаю... *(Уходитъ въ сѣни. Елена пожимаетъ плечами вслѣдъ ему. Проходитъ къ окнамъ, садится на кушетку и, закинувъ руки за шею, о чемъ-то думаетъ. На лицѣ у нея является улыбка, она мечтательно закрываетъ глаза. Петръ входитъ, сум-*

рачный, разстроенный; онъ встряхиваетъ головой какъ бы желая сбросить съ нея что-то. Видитъ Елену, останавливается).

ЕЛЕНА (*не открывая глазъ*).

Это кто?

ПЕТРЪ.

Чему вы смѣетесь? Странно видѣть улыбающееся лицо... теперь... послѣ этого...

ЕЛЕНА (*взглянувъ на него*).

Вы сердитый? Устали? Бѣдный мальчикъ... Какъ мнѣ жаль васъ...

ПЕТРЪ

(*садясь на стулъ рядомъ съ нею*).

Мнѣ самому жалко себя.

ЕЛЕНА.

Вамъ надо уѣхать куда-нибудь...

ПЕТРЪ.

Да, надо. Въ сущности — зачѣмъ я здѣсь? Меня страшно тяготитъ эта жизнь...

ЕЛЕНА.

Какъ бы вы хотѣли жить? Скажите... Я часто спрашивала васъ объ этомъ... но вы не отвѣчали никогда...

ПЕТРЪ.

Трудно быть откровеннымъ...

ЕЛЕНА.

Со мной?

ПЕТРЪ.

И съ вами... Развѣ я знаю... какъ вы относитесь ко мнѣ? Какъ отнесетесь къ тому, что я могъ-бы вамъ сказать? Иногда, мнѣ кажется, что вы...

ЕЛЕНА.

Что я? Ну...

ПЕТРЪ.

Что вы хорошо...

ЕЛЕНА.

Я отношусь къ вамъ очень, очень хорошо. Славный вы мой... мальчикъ.

ПЕТРЪ *(горячо)*.

Я не мальчикъ, нѣтъ. Я много думалъ... Слушайте, скажите... вамъ нравится—вамъ интересна вся эта возня, которой занимаются Нилъ, Шишкинъ, Цвѣтаева... всѣ эти шумные люди?.. Вы можете вѣрить, что совмѣстныя чтенія умныхъ книгъ, спектакли для рабочихъ... разумныя развлеченія и вся эта суетность,— дѣйствительно, важное дѣло, ради котораго и слѣдуетъ жить? Скажите...

ЕЛЕНА.

Голубчикъ! Вѣдь я не образованный человѣкъ... я не могу судить, не понимаю. Я вѣдь — не серьезная.. Они мнѣ нравятся всѣ: и Нилъ, и Шишкинъ... Веселые, всегда что-то дѣлаютъ... Я люблю веселыхъ людей... сама такая же... Къ чему вы это спросили?

ПЕТРЪ.

А меня... раздражаетъ все это. Если они любятъ жить такъ... если находятъ въ этомъ удовольствіе, пожалуйста. Я не мѣшаю... я не хочу никому мѣшать, но не мѣшайте и мнѣ жить такъ, какъ я хочу. Зачѣмъ они влагаютъ въ свои дѣйствія какой-то особый смыслъ... Зачѣмъ говорятъ мнѣ, что я трусъ, эгоистъ...

ЕЛЕНА

(дотрогиваясь до его головы).

Его замучили... усталъ онъ...

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, я не усталъ... я только раздраженъ. Я имѣю право жить, какъ мнѣ нравится—мнѣ. Я имѣю это право?

ЕЛЕНА *(играя его волосами).*

Это опять мудреный вопросъ для меня... Я одно знаю: сама я живу, какъ умѣю, дѣлаю, что хочу... и, если и меня будутъ убѣждать идти въ монастырь,— не пойду. Заставятъ,—убѣгу, утоплюсь...

ПЕТРЪ.

Вы больше бываете съ ними, чѣмъ со мной, вы... вамъ они больше нравятся, чѣмъ я. Я чувствую это... Но я хочу сказать, я могу это сказать: они—пустыя бочки.

ЕЛЕНА *(удивленно).*

Что? Какія...

ПЕТРЪ.

Пустыя бочки... есть басня о бочкахъ...

ЕЛЕНА.

Ахъ, знаю... Однако... вѣдь и я тоже... значитъ, и я пустая?

ПЕТРЪ.

О, нѣтъ! Вы — нѣтъ. Вы — живая, вы, какъ ручей, освѣжаете человѣка.

ЕЛЕНА.

Ба! Значитъ, я по вашему холодная?

ПЕТРЪ.

Не шутите. Я прошу васъ. Этотъ моментъ... но вы смѣетесь. Зачѣмъ? Развѣ я смѣшонъ? Я—жить хочу. Хочу жить... по моему разумѣнію... по моей волѣ...

ЕЛЕНА.

Живите. Кто мѣшаетъ?

ПЕТРЪ.

Кто? Кто-то есть... есть что-то. Когда я думаю, что вотъ какъ надо жить — одному, независимо... мнѣ кажется, что кто-то говоритъ—нельзя.

ЕЛЕНА.

Совѣсть.

ПЕТРЪ.

При чемъ тутъ совѣсть? Я... не... развѣ я хочу сдѣлать преступленіе? Я хочу только быть свободнымъ... я хочу сказать...

ЕЛЕНА (*наклоняясь къ нему*).

Это говорится не такъ. Это гораздо проще надо говорить. Я помогу вамъ, бѣдненькій мальчикъ... чтобъ вамъ не путать такихъ простыхъ вещей...

ПЕТРЪ.

Елена Николаевна! Вы... мучаете меня... шутками. Это жестоко. Я хочу сказать вамъ... вотъ я весь предъ вами.

ЕЛЕНА.

Опять не то.

ПЕТРЪ.

Я, очевидно, слабый человѣкъ... эта жизнь—не по силамъ мнѣ. Я чувствую ея пошлость, но ничего не могу измѣнить, ничего не въ состояніи внести... Я хочу уйти, жить одинъ...

ЕЛЕНА

(*взявъ его голову въ руки*).

Говорите за мной, повторяйте: я васъ люблю.

ПЕТРЪ.

О, да, да! Но... нѣтъ. Вы шутите...

ЕЛЕНА.

Право-же, я совершенно серьезно и давно рѣшила выйти за васъ замужъ. Можетъ быть, это не хорошо... но мнѣ очень хочется этого...

ПЕТРЪ.

Но... какъ я счастливъ. Я люблю васъ, какъ... *(За стѣной стонъ Татьяны. Петръ вскакиваетъ, растерянно оглядываясь вокругъ. Елена встаетъ съ мѣста спокойно. Петръ тихо).* Это... Таня? А мы... тутъ...

ЕЛЕНА *(проходя мимо его).*

Мы не сдѣлали ничего дурного...

ГОЛОСЪ ТАТЬЯНЫ.

Пить... дайте пить...

ЕЛЕНА.

Иду. *(Улыбаясь Петру, уходитъ. Петръ стоитъ, схвативъ голову руками, и растерянно смотритъ предъ собой. Дверь изъ сѣней отворяется, и Акулина Ивановна громко шепчетъ).*

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Петя—ты гдѣ?..

ПЕТРЪ.

Здѣсь...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Иди обѣдать...

ПЕТРЪ.

Не хочу... не пойду...

ЕЛЕНА *(выходитъ).*

Онъ пойдетъ ко мнѣ...

(*Акулина Ивановна недовольно оглядываетъ ее и скрывается*).

ПЕТРЪ (*бросаясь къ Еленѣ*).

Какъ это вышло... нехорошо. Тамъ она лежитъ... а мы... мы...

ЕЛЕНА.

Идемте-ка... Что тутъ нехорошаго? Даже въ театрѣ послѣ драмы даютъ что-нибудь веселое... а въ жизни это еще болѣе необходимо...

(*Петръ приближается къ ней, и она уводитъ его подъ руку*).

ТАТЬЯНА (*стонетъ хрипло*).

Лена... Лена... (*Вбѣгаетъ Поля*).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Та-же комната.

Вечеръ. Комната освѣщена лампой, стоящей на столѣ. Поля собираетъ посуду для чая. Татьяна, больная, лежитъ на кушеткѣ въ углу, въ полутьмѣ. Цвѣтаева — на стулѣ около нея.

ТАТЬЯНА *(тихо, укоризненно).*

Думаешь, я не хотѣла-бы смотрѣть на жизнь вотъ такъ-же весело и бодро, какъ ты? О, я хочу... но не могу! Я родилась безъ вѣры въ сердцѣ... Я научилась разсуждать.

ЦВѢТАЕВА.

Голубчикъ! Ты слишкомъ много разсуждаешь. А, вѣдь, ты согласись,—не стоитъ быть умнымъ человѣкомъ для того, чтобы только разсуждать... Разсудокъ—это хорошо, но видишь-ли... чтобы человѣку жилось не скучно и не тяжело, онъ долженъ быть фантазёромъ.. онъ долженъ, хотъ не часто, заглядывать впередъ, въ будущее... (*Поля, внимательно слушая рѣчь Цвѣтаевой, улыбается ласково, задумчиво).*

ТАТЬЯНА.

Что тамъ, впереди?

ЦВѢТАЕВА.

Всё, что захочешь видѣть!

ТАТЬЯНА.

Да-а... нужно выдумать!

ЦВѢТАЕВА.

Повѣрить нужно...

ТАТЬЯНА.

Во что?

ЦВѢТАЕВА.

Въ свою мечту. Ты знаешь... когда я смотрю въ глаза своихъ мальчишекъ, я думаю о нихъ: вотъ Новиковъ. Онъ кончитъ школу, пойдётъ въ гимназію... потомъ—въ университетъ... онъ будетъ докторомъ, мнѣ кажется! Такой солидный мальчикъ, внимательный, добрый... лобъ у него огромный. Онъ очень любящій... онъ будетъ очень много работать, безкорыстный, славный... и люди будутъ его очень любить, уважать... я это знаю. И однажды, вспоминая свое дѣтство, онъ вспомнитъ, какъ учительница Цвѣтаева, играя съ нимъ во время перемѣны, разбила ему носъ... А, можетъ, и не вспомнитъ... ну, всё равно!.. Нѣтъ, вспомнитъ, я думаю... онъ очень любитъ меня. Есть у меня разсѣянный, растрёпанный и всегда чумазый Клоковъ. Онъ вѣчный спорщикъ, задира, озорникъ. Онъ сирота, живётъ у дяди, ночного сторожа! Онъ почти нищій... но такой гордый, смѣлый! Я думаю, онъ будетъ журналистомъ. Ахъ, сколько у меня интересныхъ мальчишекъ! И какъ-то невольно всегда думаешь о томъ, что будетъ съ ними, какую роль они сыграютъ въ жизни... Ужасно интересно представить себѣ, какъ будутъ жить мои ученики... Ты видишь, Таня, это вѣдь немного... но если-бъ ты знала, какъ пріятно!

ТАТЬЯНА.

А ты? Гдѣ ты сама? Твои ученики будутъ жить... быть можетъ, очень хорошо... а ты тогда уже...

ЦВѢТАЕВА.

Умру? Вотъ ещё! Нѣтъ, я намѣрена жить долго...

ПОЛЯ

(негромко, ласково, какъ бы вздыхая).

Какая милая вы, Маша! Какая славная...

ЦВѢТАЕВА. *(улыбаясь Полѣ).*

Запѣла коноплянка... Ты знаешь, Таня, я не сантиментальна... но когда подумаю о будущемъ... о людяхъ въ будущемъ, о жизни—мнѣ дѣлается какъ-то сладко-грустно... Какъ будто въ сердцѣ у меня сіяетъ осенній, бодрый день... знаешь, бываютъ такіе дни осенью: въ ясномъ небѣ—спокойное солнце, воздухъ глубокій, прозрачный, вдали всё такъ отчётливо... свѣжо, но не холодно; тепло, а не жарко...

ТАТЬЯНА.

Всё это... сказки... Я, впрочемъ, допускаю, быть можетъ, вы—ты, Нилъ, Шишкинъ—и всѣ похожіе на васъ, быть можетъ, вы, дѣйствительно, способны жить мечтами... Я—не могу.

ЦВѢТАЕВА.

Нѣтъ, подожди... Вѣдь, не однѣ мечты...

ТАТЬЯНА.

Мнѣ ничто, никогда не казалось достовѣрнымъ... кромѣ того развѣ, что вотъ это—я, это—стѣна... Когда я говорю—да, или нѣтъ... я это говорю не по убѣжденію... а какъ-то такъ... я просто отвѣчаю, и—только. Право! Иногда скажешь—нѣтъ, и тотчасъ-же подумаешь про себя—развѣ? а, можетъ быть,—да?

ЦВѢТАЕВА.

Тебѣ нравится это... Присмотрись-ка къ себѣ, не находишь ли ты что-то пріятное для себя въ такомъ раздвоеніи души? А, можетъ быть,—ты боишься вѣрить... вѣдь, вѣра—обязываетъ...

ТАТЬЯНА.

Не знаю... не знаю. Заставь меня повѣрить. Вѣдь, вотъ другихъ вы заставляете вѣрить вамъ.. *(Тихо*

смѣется). А мнѣ жалко людей, которые вѣрятъ вамъ... вѣдь, вы ихъ обманываете! Вѣдь, жизнь всегда была такая, какъ теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая!

ЦВѢТАЕВА *(улыбаясь).*

Развѣ? А, можетъ быть,—нѣтъ?

ПОЛЯ *(какъ бы про себя).*

Нѣтъ

ТАТЬЯНА.

Ты что сказала?

ПОЛЯ.

Я говорю: не будетъ!

ЦВѢТАЕВА.

Молодецъ, тихая птичка коноплянка!

ТАТЬЯНА.

Вотъ одна изъ несчастныхъ... вѣрующихъ... А спроси ты ее,—почему нѣтъ? Почему измѣнится жизнь? Спроси.

ПОЛЯ *(тихо, подходя поближе).*

Вѣдь, видите, какое дѣло,—не всѣ еще люди живутъ! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству ихъ жить-то и некогда совсѣмъ... они только работаютъ, куска хлѣба ради... а вотъ, когда и они...

ШИШКИНЪ *(входитъ быстро).*

Добрый вечеръ! *(Полѣ).* Здравствуйте, русоволосая дочь короля Дункана.

ПОЛЯ.

Что? Какого короля?

ШИШКИНЪ.

Ага-а! Поймалъ! Вижу теперь, что Гейне-то вы не читали, хотя книжка у васъ находится болѣе двухъ недѣль. Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

ТАТЬЯНА *(протягивая руку)*.

Ей теперь не до книгъ... Она выходитъ замужъ...

ШИШКИНЪ.

Но-о? За кого это? а?

ЦВѢТАЕВА.

За Нила...

ШИШКИНЪ.

А-а! Въ этомъ случаѣ еще могу поздравить... Но вообще говоря: это не умная шутка—жениться, выходить замужъ и прочее въ этомъ духѣ... Бракъ при современныхъ условіяхъ...

ТАТЬЯНА.

Ой, нѣтъ, не надо! Избавьте! Вы уже не однажды высказывались по этому поводу...

ШИШКИНЪ.

Когда такъ,—молчу! Кстати—мнѣ и некогда. *(Цвѣтаевой)*. Вы идете со мной? Прекрасно! Петра—нѣтъ?

ПОЛЯ.

Онъ наверху...

ШИШКИНЪ.

Мм... Нѣтъ, не пойду къ нему! Я попрошу васъ, Татьяна Васильевна... или васъ, Поля... скажите ему, что я... опять того, знаете... т.-е., что урокъ у Прохорова—свободенъ...

ЦВѢТАЕВА.

Опять? Ну, не везетъ вамъ!

ТАТЬЯНА.

Вы поругались?

ШИШКИНЪ.

Собственно говоря... не очень! Я—сдержанъ.

ЦВѢТАЕВА.

Но—изъ-за чего? Вѣдь, вы же сами хвалили Прохорова?..

ШИШКИНЪ.

Увы! Хвалилъ... чортъ побери! И, въ сущности, онъ... порядочнѣе многихъ... не глупъ... немножко вотъ—хвастунъ... болтливъ и, вообще,—*(неожиданно и горячо)* порядочная скотина!

ТАТЬЯНА.

Едва-ли теперь Петръ станетъ доставать вамъ уроки...

ШИШКИНЪ.

Н-да, пожалуй, разсердится онъ...

ЦВѢТАЕВА.

Да что у васъ вышло съ Прохоровымъ?

ШИШКИНЪ.

Представьте себѣ, онъ—антисемитъ!

ТАТЬЯНА.

А вамъ какое дѣло до этого?

ШИШКИНЪ.

Ну, знаете... не прилично это! Не достойно интеллигентнаго человѣка. И, вообще, онъ—буржуй! Хотя-бы такая исторія: его горничная ходила въ воскресную школу. Чудесно! Онъ же самъ прескучно доказывалъ мнѣ пользу воскресныхъ школъ... о чемъ я его совсѣмъ не умолялъ! Онъ даже хвастался, что я-де одинъ изъ иниціаторовъ устройства школы. И вотъ, недавно, въ воскресенье, приходитъ онъ домой и—ужасъ! Дверь отворяетъ не горничная, а нянька! Гдѣ Саша? Въ школѣ. Ага! И—запретилъ горничной посѣщать школу. Это какъ назвать по вашему? (*Татьяна пожимаетъ плечами молча*).

ЦВѢТАЕВА.

А такой онъ говорунъ...

ШИШКИНЪ.

Вообще говоря, Петръ, точно на смѣхъ, достаетъ мнѣ уроки все у какихъ-то шарлатановъ.

ТАТЬЯНА *(сухо)*.

Помнится, вы очень хвалили казначея.

ШИШКИНЪ.

Да... конечно... старикашка милый! Но—нумизматъ! Суетъ мнѣ подъ носъ разныя мѣдяшки и говоритъ о цезаряхъ, діадохахъ и разныхъ тамъ фараонахъ съ колесницами. Одолѣлъ, — силъ моихъ нѣтъ! Ну, я ему и говорю: «Послушайте, Викентій Васильевичъ! А по моему все это — ерунда! Любой булыжникъ древнѣе вашихъ мѣдяковъ!» Онъ обидѣлся. «Что-же, говоритъ, я пятнадцать лѣтъ жизни на ерунду убилъ?» Я же—отвѣтилъ утвердительно. При разсчетѣ онъ полтину мнѣ не додалъ... очевидно, оставилъ для пополненія коллекціи. Но это—пустяки... а вотъ съ Прохоровымъ я... н-да... *(Уныло)*. Скверный у меня характеръ! *(Торопливо)*. Слушайте, Марья Никитишна, идёмте, пора!

ЦВѢТАЕВА.

Я готова. До свиданія, Таня! Завтра воскресенье... я приду къ тебѣ съ утра...

ТАТЬЯНА.

Спасибо. Мнѣ... право, кажется, что я какое-то ползучее растеніе у васъ подъ ногами... ни красы во мнѣ, ни радости... а идти людямъ я мѣшаю, цѣпляясь за нихъ...

ШИШКИНЪ.

Какія вредныя мысли, фу-у!

ЦВѢТАЕВА.

Обидно слышать это, Таня.

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, погоди... ты знаешь? Я понимаю... поняла жестокую логику жизни: кто не можетъ ни во что вѣрить, тотъ не можетъ жить... тотъ долженъ погибнуть... да!

ЦВѢТАЕВА *(улыбаясь)*.

Развѣ? А, можетъ быть, нѣтъ?

ТАТЬЯНА.

Ты передразниваешь меня... ну, стоитъ-ли? Смѣяться надо мною... стоитъ-ли?

ЦВѢТАЕВА.

Нѣтъ, Таня, нѣтъ, милая. Все это говоритъ твоя болѣзнь, усталость, а не ты... Ну, до свиданія! И не считай насъ жесткими и злыми.

ТАТЬЯНА.

Идите... до свиданія!

ШИШКИНЪ *(Полѣ)*.

Ну-съ, когда-же вы будете читать Гейне? Ахъ, да, вы замужъ... гм! Противъ этого можно-бы кое-что сказать... но — до свиданія! *(Уходитъ вслѣдъ за Цвѣтаевой. Пауза)*.

ПОЛЯ.

Навѣрно, скоро всенощная кончится... Сказать, чтобъ подавали самоваръ?

ТАТЬЯНА.

Едва-ли старики будутъ пить чай... Какъ хочешь, впрочемъ. *(Пауза)*. Раньше тишина тяготила меня, а теперь мнѣ пріятно, что у насъ тихо.

ПОЛЯ.

Вамъ не пора-ли принять лекарство?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ еще... Послѣдніе дни у насъ было такъ суетно, крикливо. Какой шумный этотъ Шишкинъ...

ПОЛЯ (*подходя къ ней*).

Хорошій онъ...

ТАТЬЯНА.

Добрый... но глупый...

ПОЛЯ.

Славный онъ, смѣлый. Гдѣ, что-увидитъ несправедливое, сейчасъ вступается. Вотъ,—горничную замѣтилъ. А кто замѣчаетъ, какъ живутъ горничныя и другіе люди, служащіе богатымъ? И если замѣтитъ кто,—развѣ вступится?

ТАТЬЯНА (*не глядя на Полю*).

Скажи мнѣ, Поля... Ты не боишься за Нила замужъ идти?

ПОЛЯ

(*спокойно, съ удивленіемъ*).

Чего-же бояться? Нѣтъ, ничего, я не боюсь...

ТАТЬЯНА.

Чего?.. А я... боялась-бы. Я говорю съ тобой объ этомъ, потому что... люблю тебя! Ты не такая, какъ онъ. Ты простая, онъ много читалъ, онъ ужъ образованный. Ему, можетъ быть, скучно съ тобой... Ты думала объ этомъ, Поля?

ПОЛЯ.

Нѣтъ. Я знаю: онъ меня любитъ.

ТАТЬЯНА *(съ досадой).*

Какъ можно это знать.

(Тетеревъ вноситъ самоваръ).

ПОЛЯ.

Вотъ спасибо вамъ! Пойду за молокомъ. *(Уходитъ).*

ТЕТЕРЕВЪ

(съ похмѣлья, опухшій).

Иду мимо кухни, а Степанида взмолилась: Батюшка! Внеси самоваръ! Я, говоритъ, тебѣ, когда понадобится, огурчика дамъ, разсольцу... Соблазнился я, чревоугодникъ...

ТАТЬЯНА.

Вы уже отъ всенощной?

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, не ходилъ сегодня. Башка трещитъ. Вы—какъ? Лучше чувствуете себя?

ТАТЬЯНА.

Ничего, спасибо. Меня объ этомъ спрашивали разъ двадцать въ день... Я чувствовала-бы себя еще лучше, если-бы у насъ было менѣе шумно. Меня немножко раздражаетъ эта бѣготня... всѣ куда-то стремятся, кричатъ. Отецъ злится на Нила, мать всѣ вздыхаетъ... А я лежу, наблюдаю и... не вижу смысла въ томъ, что они... всѣ эти... называютъ жизнью.

ТЕТЕРЕВЪ.

Нѣтъ, любопытно. Я человѣкъ посторонній, не причастный дѣламъ земли... живу изъ любопытства и нахожу, что здѣсь—довольно интересно.

ТАТЬЯНА.

Вы не взыскательны, я знаю. Но что-жъ тутъ интереснаго?

ТЕТЕРЕВЪ.

А вотъ—люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать,—что именно будутъ играть музыканты... Кто изъ нихъ солистъ? Какова пьеса? Вотъ и здѣсь тоже... настраиваются...

ТАТЬЯНА.

Въ театрѣ... да. Тамъ приходитъ дирижёръ, взмахиваетъ палочкой, и музыканты скверно, бездушно играютъ какую-нибудь старую, избитую вещь. А здѣсь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

ТЕТЕРЕВЪ.

Кажется, что-то фортиссимо...

ТАТЬЯНА.

Посмотримъ. *(Пауза. Тетеревъ раскуриваетъ трубку).* Зачѣмъ вы трубку курите, а не папиросы?

ТЕТЕРЕВЪ.

Удобнѣе. Вѣдь я—бродяга, большую часть года провожу въ дорогѣ. Вотъ, опять скоро уйду. Установится зима, и я въ путь.

ТАТЬЯНА.

Куда?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не знаю... Да, вѣдь, это всё равно.

ТАТЬЯНА.

Замерзнете гдѣ-нибудь... нетрезвый...

ТЕТЕРЕВЪ.

Въ дорогѣ—никогда не пью... А и замерзну—что жъ въ томъ? Лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ...

ТАТЬЯНА.

Это вы на меня намекаете?

ТЕТЕРЕВЪ

(испуганно вскакивая).

Боже упаси! Что вы? Развѣ я... я не звѣрь!

ТАТЬЯНА *(съ улыбкой).*

Да вы не безпокойтесь. Меня, вѣдь, это не обижаетъ. У меня потеря болевой чувствительности. *(Съ горечью).* Всѣ знаютъ, что меня нельзя обидѣть. Палагея, Елена, Маша... Они ведутъ себя, какъ богачи, которымъ нѣтъ дѣла до того, что чувствуетъ нищій... что думаетъ нищій, когда видитъ, какъ они кушаютъ рѣдкія яства.

ТЕТЕРЕВЪ

(сморщивъ лицо, сквозь зубы).

Зачѣмъ униженіе? Надо уважать себя...

ТАТЬЯНА.

Ну, хорошо... оставимъ это. *(Пауза).* Скажите мнѣ что-нибудь... про себя! Вы никогда не говорите о себѣ... Почему?

ТЕТЕРЕВЪ.

Предметъ большой, но не интересный.

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, скажите! Почему вы такъ странно живёте? Вы кажетесь мнѣ умнымъ, даровитымъ... Что случилось съ вами въ жизни?..

ТЕТЕРЕВЪ *(скалитъ зубы).*

Что случилось? О, это длинная и скучная исторія... если её разсказывать своими словами...

Я—солнца, счастья шелъ искать,
Нагъ и босъ вернулся вспять;
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ моемъ скитаньи.

Но это объясненье красиво слишкомъ для меня... хотя оно и кратко. Къ нему добавить надо, что въ Россіи удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ. (*Входятъ Петръ и Нилъ*). Только люди безжалостно прямые и твердые, какъ мечи,—только они пробьютъ... А! Нилъ! Откуда?

НИЛЪ.

Изъ депо. И послѣ сраженія, въ которомъ одержалъ блестящую побѣду. Этотъ дубиноголовый начальникъ депо...

ПЕТРЪ.

Навѣрное, тебя скоро прогонятъ со службы...

НИЛЪ.

Другую найду...

ТАТЬЯНА.

Знаешь, Петръ, Шишкинъ поругался съ Прохоровымъ и, не рѣшаясь сказать это тебѣ лично...

ПЕТРЪ (*сердито, раздражаясь*).

Чортъ бы его побралъ! Это... возмутительно! Въ какое идіотское положеніе онъ ставитъ меня передъ Прохоровымъ? И, наконецъ, лишаетъ возможности быть полезнымъ другому товарищу...

НИЛЪ.

Ты погоди сердиться. Узналъ бы прежде, кто виноватъ?

ПЕТРЪ.

Я это знаю!

ТАТЬЯНА.

Шишкину не понравилось, что Прохоровъ антисемитъ...

НИЛЪ *(смѣясь).*

Ахъ, милый пѣтушокъ.

ПЕТРЪ.

Ну, да! Тебѣ это нравится. Ты тоже совершенно лишенъ чувства уваженія къ чужимъ взглядамъ... дикіе люди!

НИЛЪ.

Постой! Ты самъ-то развѣ склоненъ юдофоба уважать?

ПЕТРЪ.

Я ни въ какомъ случаѣ не сочту себя въ правѣ хватать человѣка за глотку.

НИЛЪ.

А я—схвачу...

ТЕТЕРЕВЪ

(разглядывая спорящихъ по очереди).

Хватай!

ПЕТРЪ.

Кто далъ... кто далъ вамъ это право?

НИЛЪ.

Права не даютъ, права берутъ... Человѣкъ долженъ самъ себѣ завоевать права, если не хочетъ быть раздавленнымъ грубой обязанностью...

ПЕТРЪ.

Позволь!..

ТАТЬЯНА *(тоскливо).*

Ну, закипаетъ споръ... безконечный споръ! Какъ вамъ не надоѣдаетъ?

ПЕТРЪ *(сдерживаясь).*

Извини, я не стану больше! Но, право-же, этотъ Шишкинъ ставитъ меня...

ТАТЬЯНА.

Я понимаю... онъ глупый!

НИЛЪ.

Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, самъ первый всякому наступитъ! Хорошо имѣть въ себѣ столько чувства человѣческаго достоинства...

ТАТЬЯНА.

Столько ребячества,—хотѣлъ ты сказать?

НИЛЪ.

Нѣтъ, я не ошибся. Но пусть это ребячество—и все-таки хорошо!

ПЕТРЪ.

Смѣшно...

НИЛЪ.

Н-ну, когда единственный кусокъ хлѣба отшвыривается прочь, только потому, что его даетъ несимпатичный человѣкъ...

ПЕТРЪ.

Значитъ, тотъ, кто швыряется хлѣбомъ, не достаточно голоденъ... Я знаю,—ты будешь возражать. Ты самъ таковъ... ты тоже... школьникъ... Вотъ ты на каждомъ шагу стараешься показать отцу, что у тебя нѣтъ къ нему никакого уваженія... зачѣмъ это?

НИЛЪ.

А зачѣмъ это скрывать?

ТЕТЕРЕВЪ.

Дитя мое! Приличіе требуетъ, чтобы люди лгали...

ПЕТРЪ.

Но какой смыслъ въ этомъ? Какой?

НИЛЪ.

Мы, братъ, не поймемъ другъ друга... нечего и говорить. Все, что дѣлаетъ и говоритъ твой отецъ,—мнѣ противно...

ПЕТРЪ

Мнѣ тоже противно... можетъ быть. Однако я сдерживаюсь. А ты постоянно раздражаешь его... и это раздраженіе оплачиваемъ мы—я, сестра...

ТАТЬЯНА.

Ну, будетъ вамъ! Вѣдь скучно же это! (*Нилъ, взглянувъ на нее, отходитъ къ столу*).

ПЕТРЪ.

Тебя безпокоитъ разговоръ?

ТАТЬЯНА.

Мнѣ надоѣло. Одно и тоже... всегда одно и тоже. (*Входитъ Поля съ кринкой молока въ рукѣ. Видя, что Нилъ мечтательно улыбается, она оглядываетъ публику и говоритъ*).

ПОЛЯ.

Смотрите, какой блаженный.

ТЕТЕРЕВЪ.

Ты что смѣешься?

НИЛЪ.

Я? Я вспоминаю, какъ отчитывалъ начальника депо... Интересная штука—жизнь!

ТЕТЕРЕВЪ (*густо*).

Аминь!

ПЕТРЪ (*пожимая плечами*).

Удивляюсь! Слѣпыми, что-ли, родятся оптимисты?

НИЛЪ.

Оптимистъ я, или что другое,—это не важно, но жить—мнѣ нравится. (*Встаетъ и ходитъ*). Большое это удовольствіе—жить на землѣ!

ТЕТЕРЕВЪ.

Да, любопытно!

ПЕТРЪ.

Вы оба—комики, если вы искренніе люди!

НИЛЪ.

А ты... ужъ я не знаю, какъ тебя назвать? Я знаю,—и это, вообще, ни для кого не тайна,—ты влюбленъ, тебя—любятъ. Ну, вотъ, хотя бы по этому поводу—неужели тебѣ не хочется пѣть, плясать? Неужели и это не даетъ тебѣ радости?

(*Поля гордо смотритъ на всѣхъ изъ-за самовара. Татьяна безпокойно ворочается, стараясь видѣть лицо Нила. Тетеревъ, улыбаясь, выколачиваетъ пепелъ изъ трубки*).

ПЕТРЪ.

Ты забываешь кое-что. Во-первыхъ—студентамъ жениться не позволено; во-вторыхъ—мнѣ придется выдержать баталію съ родителями, въ-третьихъ...

НИЛЪ.

Батюшки! Да вѣдь это что-же? Ну, тебѣ остается одно—бѣги! Бѣги въ пустыню! (*Поля улыбается*).

ТАТЬЯНА.

Ты балаганишь, Нилъ...

НИЛЪ.

Нѣтъ, Петруха, нѣтъ. Жить,—даже и не будучи влюбленнымъ,—славное занятіе! Ѣздить на скверныхъ

паровозахъ осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ... или зимою... въ мятель, когда вокругъ тебя—нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой, завалено снѣгомъ — утомительно ѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь,—и всё же въ этомъ есть своя прелесть! Всё-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго,—въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но—жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого расписанія движенія, которое-бы не измѣнялось!..

ПЕТРЪ.

Не разъ я слышалъ эти рѣчи. Посмотримъ, какъ тебѣ отвѣтитъ жизнь на нихъ!

НИЛЪ.

Я заставлю ее отвѣтить такъ, какъ захочу. Ты—не стращай меня. Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка, я знаю это—и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка—не хочу! Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и всё-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!

ТЕТЕРЕВЪ *(усмѣхаясь)*.

Вотъ смыслъ глубочайшей науки! Вотъ смыслъ философіи всей! А всякой другой философіи—ан-наѳема!

ЕЛЕНА *(въ двери).*

По какому поводу здѣсь кричатъ и махаютъ руками?

НИЛЪ *(бросаясь къ ней).*

Барыня! Вы меня поймете! Я пѣлъ сейчасъ славу жизни! Ну, говорите: жизнь—удовольствіе!

ПОЛЯ *(негромко).*

Жить—очень хорошо!

ЕЛЕНА.

Кто противъ этого?

НИЛЪ *(Полѣ).*

Эхъ, ты... тихая моя!

ЕЛЕНА.

При мнѣ не любезничать.

ПЕТРЪ.

Чортъ знаетъ что такое! Точно пьяный...

(Татьяна, откинувъ голову на спинку кушетки, медленно поднимаетъ руки и закрываетъ лицо свое).

ЕЛЕНА.

Постойте! Вы собрались пить чай. А я пришла звать васъ къ себѣ... Ну, и я останусь съ вами,—у васъ сегодня весело. *(Тетереву).* Только вы, мудрый воронъ, вы одинъ нахохлились—чего ради?

ТЕТЕРЕВЪ.

Мнѣ тоже весело. Только я люблю веселиться молча, а скучать—громко...

НИЛЪ.

Какъ всѣ большіе, умные, угрюмые псы...

ЕЛЕНА.

Я никогда не видѣла васъ ни грустнымъ, ни веселымъ, а только философствующимъ. Знаете, господа,—знаешь, Таня,—онъ обучаетъ меня философіи. Вчера прочиталъ цѣлую лекцію о нѣкоторомъ законѣ достаточнаго основанія... Эхъ! Я забыла, какъ этотъ удивительный законъ выражается... въ какихъ словахъ? Въ какихъ?

ТЕТЕРЕВЪ (*улыбаясь*).

Нѣтъ ничего безъ основанія, почему оно есть...

ЕЛЕНА.

Вы слышите? Вотъ я какія мудрыя штуки знаю. Вы вотъ не знаете, что законъ этотъ являетъ собой—являетъ, это самое философское слово!—являетъ собой... что-то вродѣ дуба, потому что у него четыре корня... вѣрно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Не смѣю спорить...

ЕЛЕНА.

Ну, конечно! Посмѣли бы вы! Корень первый—а можетъ и не первый—законъ достаточнаго основанія бываніе... бываніе—это матерія въ формахъ... вотъ я—матерія, принявшая—не безъ основанія—форму женщины... но зато — безъ всякаго уже основанія—лишенная бытія. Бытіе вѣчно, а матерія въ формахъ—побываетъ на землѣ и—фьюитъ! Вѣрно?

ТЕТЕРЕВЪ.

Ладно, сойдетъ.

ЕЛЕНА.

Еще я знаю, что существуетъ кавзальная связь, апріори и апостеріори, но кто они такіе,—забыла! И если я отъ всѣхъ этихъ премудростей не стану лысой,

такъ буду умной. А самое интересное и премудрое во всей философіи вотъ что: зачѣмъ вы, Терентій Хрисанфовичъ, говорите мнѣ о философіи?

ТЕТЕРЕВЪ.

Потому, во-первыхъ, что смотрѣть на васъ очень пріятно...

ЕЛЕНА.

Спасибо! Во-вторыхъ, навѣрное неинтересно...

ТЕТЕРЕВЪ.

Во-вторыхъ, потому что, только философствуя, человѣкъ не лжетъ, ибо, философствуя, онъ просто выдумываетъ...

ЕЛЕНА.

Ничего не поняла! Да, Таня, какъ ты себя чувствуешь? (*Не дожидаясь отвѣта*). Петръ... Васильевичъ! Вы чѣмъ недовольны?

ПЕТРЪ.

Собой.

НИЛЪ.

И всѣмъ остальнымъ?

ЕЛЕНА.

Знаете,—мнѣ ужасно хочется пѣть! Какъ жаль, что сегодня суббота и всенощная еще не отошла... (*Входятъ старики*). А, вотъ идутъ богомольцы! Здравствуйте!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сухо*).

Наше вамъ почтеніе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, матушка! Только мы васъ ужъ видѣли сегодня.

ЕЛЕНА.

Ахъ, да! Я позабыла... Ну, что-же... въ церкви жарко было?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мы не затѣмъ туда ходимъ, чтобы климатъ измѣрять...

ЕЛЕНА *(смущаясь)*.

О, разумѣется, я хотѣла спросить не о томъ... я хотѣла спросить... много было народа?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Не считали мы, матушка...

ПОЛЯ *(Безсѣменову)*.

Чай пить—будете?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сначала поужинаемъ... Мать, ты поди-ка, приготовь тамъ. *(Акулина Ивановна уходитъ, шмыгая носомъ. Всѣ молчатъ. Татьяна встаетъ и переходитъ къ столу, поддерживаемая Еленой. Нилъ садится на мѣсто Татьяны. Петръ шагаетъ по комнатѣ. Тетеревъ, сидя около піанино, слѣдитъ за всѣми, улыбаясь. Поля у самовара. Безсѣменовъ сидитъ въ углу на сундукѣ).* Какой народъ сталъ—воръ, даже удивительно! Давече, какъ шелъ я съ матерью въ церковь,—дощечку положилъ у воротъ, черезъ грязь, чтобы пройти. Назадъ идемъ, а дощечки ужъ нѣту... стащилъ какой-то жуликъ. Большой развратъ пошелъ въ жизни... *(Пауза)*. Въ старину жуликовъ меньше было... все больше разбойничали люди, потому—крупнѣе душой были всѣ... стыдились изъ-за пустяковъ совѣсть тревожить... *(На улицѣ, за окномъ, раздаются пѣніе и звуки гармоники)*. Ишь... поютъ. Суббота, а они поютъ. *(Пѣніе приближается, поютъ въ два голоса)*. Навѣрное, мастеровые.

Чай, пошабашили, сходили въ кабакъ, пропили заработокъ и дерутъ глотку. (*Пѣніе подъ окномъ. Нилъ, прислонивъ лицо къ стеклу, смотритъ на улицу*). Поживутъ эдакъ-то годъ... много—два, и готовы! Золоторотцами будутъ... жуликами...

НИЛЪ.

Кажется, это Перчихинъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*изъ двери*).

Отецъ, иди ужинать.

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вставая*).

Перчихинъ... тоже вотъ... безполезной жизни человѣкъ... (*Уходитъ*).

ЕЛЕНА (*проводивъ его взглядомъ*).

А у меня... удобнѣе чай пить...

НИЛЪ.

Вы очень остроумно разговаривали со стариками.

ЕЛЕНА.

Я... онъ меня смущаетъ... Онъ не любитъ меня... и мнѣ это какъ-то непріятно... даже обидно! За что меня не любить?

ПЕТРЪ.

Онъ, въ сущности, добрый старикъ... но у него большое самолюбіе...

НИЛЪ.

И онъ немножко жаденъ... немножко золъ.

ПОЛЯ.

Ш-ш! Зачѣмъ говорить такъ о человѣкѣ за глаза? Не хорошо!

НИЛЪ.

Нѣтъ, быть жаднымъ не хорошо.

ТАТЬЯНА (*сухо*).

Я предлагаю оставить... этотъ предметъ безъ обсужденія... Отецъ можетъ каждую минуту войти... Послѣдніе три дня онъ... не ругался... старается со всѣми быть ласковымъ...

ПЕТРЪ.

И это ему стоитъ не дешево...

ТАТЬЯНА.

Надо цѣнить это... Онъ старъ... онъ не виноватъ въ томъ, что родился раньше насъ... и думаетъ не такъ, какъ мы... (*Раздражаясь*). Сколько жестокости въ людяхъ! Какъ всѣ мы грубы, безжалостны! Насъ учатъ любить другъ друга... намъ говорятъ: будьте добрыми... будьте кротки...

НИЛЪ (*въ тонъ ей*).

И садятся верхомъ на шеи намъ и ѣдутъ на насъ... (*Елена хохочетъ. Поля и Тетеревъ улыбаются. Петръ что-то хочетъ сказать Нилу и идётъ къ нему. Татьяна укоризненно качаетъ головой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*входитъ, окидываетъ Елену недружелюбнымъ взглядомъ*).

Палагея! Тамъ въ кухнѣ твой отецъ... Поди-ка, да скажи ему, чтобъ онъ... въ другой разъ пришелъ... когда будетъ трезвый... да! Ты-де, папаша, иди домой... и все такое!

(*Поля и Нилъ за нею—уходятъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вотъ... поди и ты... Погляди-ка на будущаго... мм... (*Обрывается, садится за столъ*). Вы что молчите? Я замѣчаю, что какъ я въ дверь—вы всѣ сожмете губы...

ТАТЬЯНА.

Мы... и безъ васъ... не много говорили...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(глядя исподлобья на Елену).

А надъ чѣмъ смѣялись?

ПЕТРЪ.

Такъ это... пустяки! Нилъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нилъ! Все отъ него идетъ... я такъ и зналъ.

ТАТЬЯНА.

Налить вамъ чаю?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Налей...

ЕЛЕНА.

Дай, Таня, я налью...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться. Мнѣ дочь нальетъ...

ПЕТРЪ.

Я думаю, — вѣдь все равно, кто нальетъ? Таня нездорова.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я тебя не спрашиваю, какъ ты думаешь на этотъ счетъ. Если тебѣ чужіе люди ближе родныхъ...

ПЕТРЪ.

Отецъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?

ТАТЬЯНА.

Начинается! Петръ,—будь благоразуменъ.

ЕЛЕНА (*натянуто улыбаясь*).

Ну, стоитъ-ли...

(*Дверь тихо растворяется и входитъ Перчихинъ. Онъ выпивши, но не сильно*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Я сюда пришелъ... ты оттуда ушелъ... а я—сюда... за тобой...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*не глядя на него*).

Пришелъ, такъ садись... Вотъ чаю выпей... ну...

ПЕРЧИХИНЪ.

Н-не надо мнѣ чаю! Кушай самъ на здоровье... Я—для разговора пришелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Какой тамъ разговоръ? Все пустяки.

ПЕРЧИХИНЪ.

Пустяки? Н-ну? (*Смѣется*). Чудакъ ты! (*Нилъ входитъ и, сурово глядя на Безсѣменова, встаетъ у шкафа*). Четыре дня собирался я къ тебѣ придти... ну, и пришелъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ну, и ладно...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣтъ, не ладно! Василь Васильевичъ! Умный ты человѣкъ! Богатый человѣкъ... вѣдь я къ совѣсти къ твоей пришелъ!

ПЕТРЪ

(подходя къ Нилу, негромко).

Зачѣмъ ты его пустилъ сюда?

НИЛЪ.

Оставь. Это тебя не касается.

ПЕТРЪ.

Ты всегда дѣлаешь... чортъ знаетъ что...

ПЕРЧИХИНЪ *(заглушая Петра).*

Старый человѣкъ... давно я тебя знаю!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*сердясь*).

Тебѣ чего надо?

ПЕРЧИХИНЪ.

Скажи мнѣ,—за что ты меня намедни вонъ изъ дома выгналъ? Думалъ я, думалъ, — не возьму въ толкъ! Скажи, братъ! Я — безъ сердца на тебя пришелъ... я, братъ, съ любовью къ тебѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Съ дурной головой пришелъ ты... вотъ что!

ТАТЬЯНА.

Петръ! Помоги мнѣ... нѣтъ, позови Полю... *(Петръ уходитъ).*

ПЕРЧИХИНЪ.

Вотъ—Поля! Дочь моя милая... птица моя чистая... Изъ-за нее ты меня выгналъ? Вѣрно? За то, что она у Татьяны жениха отбила?

ТАТЬЯНА.

О! Глупость какая... какая пошлость!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ
(медленно поднимаясь съ мѣста).

Гляди, Перчихинъ! Второй разъ...

ЕЛЕНА *(Нилу вполголоса).*

Уведите его! Они поругаются.

НИЛЪ.

Не хочу...

ПЕРЧИХИНЪ.

Второй разъ — не прогонишь, Василь Васильевичъ! Не за что... Поля... я ее люблю... она у меня—хорошая! Ну, все-же я не одобряю... я, братъ, ее не одобряю, н-нѣтъ! Зачѣмъ чужой кусокъ взяла? Не хорошо...

ТАТЬЯНА.

Лена! Я... ухожу къ себѣ... *(Елена помогаетъ ей, поддерживая подъ руку. Проходя мимо Нила, Татьяна говоритъ ему негромко).* Какъ не стыдно! Уведите его.

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(сдерживаясь).*

Перчихинъ! Ты—молчи! Сиди—молчи... а то ступай домой... *(Входитъ Поля. За нею Петръ).*

ПЕТРЪ *(Полѣ).*

Да успокойтесь... я васъ прошу...

ПОЛЯ.

Василій Васильевичъ! За что вы прошлый разъ выгнали отца? *(Безсѣменовъ молча и сурово смотритъ на всѣхъ поочередно).*

ПЕРЧИХИНЪ *(грозя пальцемъ).*

Шш! Дочка! Не говори... Ты должна понять... Татьяна отравилась—почему? Ага-а? Василь Васильевичъ,—видишь? Я, братъ, по чистой правдѣ... я всѣхъ васъ разсужу... по совѣсти... какъ надо! Я—очень просто...

ПОЛЯ.

Постой, отецъ...

ПЕТРЪ.

Позвольте, Поля...

НИЛЪ.

Ты бы молчалъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты, Пелагея, вотъ что... ты—дерзкая...

ПЕРЧИХИНЪ.

Она? Нѣтъ, она... у меня...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи ты! Я что-то плохо разумѣю... чей это домъ? Кто здѣсь хозяинъ? Кто судья?

ПЕРЧИХИНЪ.

Я! Я разсужу все... всѣхъ, по порядку... Не тронь чужого—разъ! Взяла,—отдай назадъ—два!

ПЕТРЪ (*Перчихину*).

Послушай,—брось болтать! Пойдемъ ко мнѣ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Не люблю я тебя, Петръ! Гордый ты человѣкъ... пустой ты! И ничего ты не знаешь... Что такое канализація? Ага! Мнѣ разсказывали, братъ... (*Петръ тянетъ его за рукавъ*). Не тронь, постой...

НИЛЪ (*Петру*).

Не трогай его...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*Нилу*).

Ты что тутъ—собакъ травишь? А?

НИЛЪ.

Нѣтъ, я хочу понять, въ чемъ дѣло. Въ чемъ виноватъ Перчихинъ? За что его выгнали?.. При чемъ здѣсь Поля?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты меня допрашиваешь?

НИЛЪ.

А если и васъ — такъ что-жъ? Вы — человѣкъ, я — тоже...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*бѣшено*).

Нѣтъ, ты не человѣкъ... ты—ядъ! Ты—звѣрь!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ш-ш! Тихо! Надо тихо, по совѣсти...

БЕЗСѢМЕНОВЪ *(Полѣ).*

А ты—ехидна! Ты—нищая!..

НИЛЪ (*сквозь зубы*).

Вы не кричите!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Что? Вонъ! Змѣёнышъ... я тебя вскормилъ отъ пота-крови...

ТАТЬЯНА (*изъ своей комнаты*).

Папаша! Папа!

ПЕТРЪ *(Нилу).*

Ну? Дождался? Эхъ, ты... стыдился-бы!

ПОЛЯ *(негромко).*

Не... не смѣйте на меня кричать. Я не раба вамъ... не можете вы обижать всѣхъ... И—вы скажите,—за что отца выгнали?

НИЛЪ (*спокойно*).

Я тоже требую... здѣсь не сумасшедшіе живутъ... надо отвѣчать за свои поступки...

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*тише, сдерживаясь*).

Уйди, Нилъ, отъ грѣха... уйди! Смотри... ты—выкормокъ мой... котораго я воспиталъ.

НИЛЪ.

Не корите меня вашимъ хлѣбомъ! Я отработаю всё, что̀ съѣлъ.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты... душу мнѣ сожралъ... разбойникъ—ты...

ПОЛЯ (*беретъ Нила за руку*).

Пойдёмъ отсюда!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Иди... ползи, змѣя! Ты всё... изъ-за тебя... ты дочь ужалила... его теперь... проклятая... изъ-за тебя дочь моя...

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Тихо! По совѣсти!

ТАТЬЯНА (*кричитъ*).

Отецъ! Неправда! Петръ,—что же ты? (*Является въ дверяхъ своей комнаты и, безпомощно протягивая руки, выходитъ на средину*). Петръ, не нужно этого! О Боже мой! Терентій Хрисанфовичъ! Скажите имъ... скажите имъ... Нилъ! Поля! Ради Бога—уйдите! Уходите! Зачѣмъ всё это...

(*Всѣ безтолково суетятся. Тетеревъ, скаля зубы, медленно встаетъ со стула. Безсѣменовъ отступаетъ передъ дочерью. Петръ подхватываетъ сестру подъ руку и растерянно смотритъ вокругъ*).

ПОЛЯ.

Идёмъ!

НИЛЪ.

Хорошо! (*Безсѣменову*). Ну, мы уходимъ... вотъ! Мнѣ жаль, что вышло такъ громко.

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ступай, ступай... Уводи ее...

НИЛЪ.

Я уже не ворочусь...

ПОЛЯ

(*громко, дрожащимъ голосомъ*).

Винить меня въ такомъ... винить за Таню... развѣ можно? Тутъ развѣ я виновата? Безстыдникъ вы...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*бѣшено*).

Уйдёшь ты?!

НИЛЪ.

Тише!

ПЕРЧИХИНЪ.

Ребята,—не сердитесь! Надо—кротко...

ПОЛЯ.

Прощайте! Иди, отецъ!

НИЛЪ (*Перчихину*).

Идёмъ!

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣ-ѣтъ, я съ вами не хочу... мнѣ не рука... я самъ по себѣ... Терентій! Я самъ—одинъ... Мое дѣло—чистое.

ТЕТЕРЕВЪ.

Идёмъ ко мнѣ.

ПОЛЯ.

Иди! Иди-же, пока не гонятъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Нѣтъ... я не пойду... Терентій,—мнѣ съ ними не рука! Я понимаю...

ПЕТРЪ (*Нилу*).

Да уходите вы... чортъ побери!..

НИЛЪ.

Иду... Прощай... какой, однако, ты...

ПОЛЯ.

Идёмъ, идёмъ... (*Уходятъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*кричитъ имъ вслѣдъ*).

Воротитесь! поклонитесь...

ПЕТРЪ.

Оставь, отецъ! Будетъ...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Милый мой... не надо кричать...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Постойте... Погодите...

ПЕРЧИХИНЪ.

Ну, вотъ теперь... ушли... И хорошо! Пускай ихъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Сказать бы мнѣ имъ на прощанье... злодѣи! Кормилъ, поилъ... (*Къ Перчихину*). Ты, старый чортъ! Дуракъ! Пришелъ, забормоталъ... чего тебѣ надо? Чего?

ПЕТРЪ.

Папаша! Будетъ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Не кричи... я тебя уважаю, чудакъ ты! Глупый я—вѣрно! Но я понимаю... кто куда.

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*садится на диванъ*).

Я... потерялъ мысли. Не понимаю... Что вышло? Вдругъ... какъ лѣтомъ, въ сушь, пожаръ... Одного—нѣтъ... говоритъ—не ворочусь... Ишь, какъ просто! Ишь, ты какъ... Нѣтъ... я этому повѣрить не могу...

ТЕТЕРЕВЪ (*Перчихину*).

Ну, что ты тутъ? Зачѣмъ ты?

ПЕРЧИХИНЪ.

Для порядка... я, братъ, разсуждаю просто... Разъ-два! Больше никакихъ! Она мнѣ дочь? Очень хорошо... Значитъ,—должна она... (*Вдругъ замолчалъ*). Плохой я отецъ... и ничего она не должна... пусть ее живётъ, какъ хочетъ! А Таню мнѣ жалко... Таня... мнѣ жалко тебя... Мнѣ, братцы, всѣхъ васъ жалко! Эхъ-ма!.. Вѣдь, ежели по совѣсти сказать—всѣ вы дураки!..

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи ты...

ПЕТРЪ.

Таня! Елена Николаевна ушла?

ЕЛЕНА

(*изъ комнаты Татьяны*).

Я здѣсь... Лекарство приготовляю...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Мысли у меня спутались... ничего не понимаю... Неужто Нилъ... такъ и уйдетъ?

АКУЛИНА ИВАНОВНА

(*входитъ, безпокойно*).

Что случилось? Нилъ съ Палагеей въ кухнѣ тамъ... а я была въ чуланѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ушли они?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Нѣтъ... зовутъ Перчихина... Палагея говоритъ, скажите, говоритъ, отцу... а губы у нея дрожатъ. Нилъ, все равно какъ песъ,—рычитъ... что такое?..

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*вставая*).

А вотъ сейчасъ... вотъ я пойду...

ПЕТРЪ.

Отецъ,—не надо! Не ходите...

ТАТЬЯНА.

Папаша! Пожалуйста... не надо...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Чего—не надо?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Да что такое?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты понимаешь... Нилъ уходитъ... совсѣмъ...

ПЕТРЪ.

Ну, что-же въ томъ? Уходитъ и—прекрасно... Зачѣмъ онъ вамъ? Онъ женится... Онъ хочетъ жить своей семьей...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А! Такъ развѣ... я-то, я—чужой ему?

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Чего ты безпокоишься, отецъ? Богъ съ нимъ. Пускай уходитъ... У насъ свои дѣти есть... *(Перчихину)*. Ты чего же? Иди!

ПЕРЧИХИНЪ.

Мнѣ съ ними—не по дорогѣ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ... тутъ не то совсѣмъ... уходишь—уходи! Но какъ? Какъ онъ ушелъ... Какими глазами глядѣлъ на меня?.. *(Елена выходитъ изъ комнаты Татьяны)*.

ТЕТЕРЕВЪ

(беретъ Перчихина подъ руку и ведетъ за собой къ двери).

Пойдемъ зубровки хватить по рюмкѣ.

ПЕРЧИХИНЪ.

Эхъ-ма, божья дудка! Серьезный ты... (*Уходитъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Я зналъ, что онъ отъ насъ уйдетъ... ну, только развѣ такъ. А эта... эта... кричитъ. Поденщица, дѣвчонка... пойду, поговорю имъ...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Э, полно-ка, отецъ! Они—чужіе намъ люди! Что ихъ жалѣть? Ушли и—ладно!

ЕЛЕНА (*Петру негромко*)

Идёмте ко мнѣ...

ТАТЬЯНА *(Еленѣ)*.

И я... возьмите и меня...

ЕЛЕНА.

Идёмъ... идёмте...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*услышавъ ея зовъ*).

Куда?

ЕЛЕНА.

Къ себѣ... ко мнѣ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Кого зовете-съ? Петра?

ЕЛЕНА.

Да, и Таню...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Таня не при чемъ. А Петру ходить къ вамъ... не надо.

ПЕТРЪ.

Позволь, отецъ! Я... не мальчикъ! Я пойду или не пойду...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Не пойдешь!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Петя! Уступи отцу! Эй, уступи...

ЕЛЕНА (*возмущенно*).

Позвольте, Василій Васильевичъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нѣтъ, ужъ вы позвольте! Хотя вы люди и образованные... хотя вы потеряли совѣсть и никого не уважаете...

ТАТЬЯНА (*истерически кричитъ*).

Папаша! Перестаньте!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи! Когда ты не хозяйка своей судьбы—молчи... постой! Куда? (*Елена идетъ къ двери*).

ПЕТРЪ

(*бросаясь за нею, хватаетъ ее за руку*).

Позвольте. На минутку... нужно сразу... нужно объясниться...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Нужно меня выслушать... Сдѣлайте мнѣ милость,— выслушайте. Дайте мнѣ понять—что такое? (*Входитъ Перчихинъ, сіяющій и веселый, за нимъ Тетеревъ тоже съ улыбкой на лицѣ. Они останавливаются у двери, переглядываются. Перчихинъ подмигиваетъ на Безсѣменова и махаетъ рукой*). Всѣ куда-то уходятъ... безъ всякаго объясненія намѣреній... зря... обидно и безпутно! Куда ты можешь идти, Петръ? Ты... что ты такое? Какъ ты хочешь жить? Что дѣлать? (*Акулина Ивановна всхлипываетъ. Петръ, Елена и Татьяна стоятъ всѣ трое сплошной группой передъ Безсѣменовымъ; при его словахъ:* «Куда ты можешь идти»—*Татьяна отходитъ въ сторону къ столу, гдѣ стоитъ мать. Перчихинъ знакомъ показываетъ что-то Тетереву, трясетъ головой, взмахиваетъ руками, какъ-бы пугая птицъ*). Я имѣю право спрашивать... ты—молодъ, ты еще—глупъ! Я пятьдесятъ восемь лѣтъ растягивалъ жилы мои въ трудахъ ради дѣтей...

ПЕТРЪ.

Я слышалъ это, отецъ! Я сотни разъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Стой! Молчи!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ, Петя, Петя...

ТАТЬЯНА.

Мамаша, вы... ничего не понимаете!

(*Акулина Ивановна трясетъ головой*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Молчи! Какія ты слова можешь сказать? На что укажешь? Нѣтъ ничего...

ПЕТРЪ.

Отецъ, ты мучаешь меня! Что тебѣ нужно? Что ты хочешь?

АКУЛИНА ИВАНОВНА *(вдругъ громко)*.

Нѣтъ, стой! И у меня есть сердце... и я имѣю голосъ! Сыночекъ! Что дѣлаешь? Что затѣялъ? Кого спросилъ?

ТАТЬЯНА.

Это ужасно! Это какая-то тупая пила... *(Матери)*. Вы рвете душу... тѣло...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Это мать—пила? Мать?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Старуха, погоди! Вотъ онъ... дай ему сказать.

ЕЛЕНА (*Петру*).

Ну, будетъ! Я больше—не могу... я ухожу...

ПЕТРЪ.

Постойте... ради Бога! Сейчасъ все будетъ ясно...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, это сумасшедшій домъ! Это...

ТЕТЕРЕВЪ.

Елена Николаевна, уйдите! Пошлите ихъ всѣхъ къ чорту!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Вы, господинъ! Вы...

ТАТЬЯНА.

Да кончится-ли это? Петръ, уйди!

ПЕТРЪ (*почти кричитъ*).

Отецъ... смотри! Мать!. вотъ это моя невѣста!

(*Пауза. Всѣ смотрятъ на Петра. Потомъ Акулина Ивановна всплескиваетъ руками и въ ужасѣ смотритъ на мужа. Безсѣменовъ,—точно его оттолкнули, — подается всѣмъ корпусомъ назадъ и наклоняетъ голову. Татьяна, тяжело вздохнувъ, медленно, съ опущенными вдоль тѣла руками, идетъ къ піанино*).

ТЕТЕРЕВЪ (*вполголоса*).

Ловко выбралъ время...

ПЕРЧИХИНЪ (*выступая впередъ*).

Ну, вотъ и все! Вотъ оно:—всѣ разлетаются! Айда, ребятишки, лети изъ клѣтки, какъ птицы въ Благовѣщенье...

ЕЛЕНА

(*вырывая руку изъ руки Петра*).

Пустите! Я не могу...

ПЕТРЪ (*бормочетъ*).

Теперь все ясно... Сразу...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*кланяясь сыну*).

Н-ну, спасибо, сынокъ... за радостное извѣстіе...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*съ плачемъ*).

Погубилъ ты себя, Петенька. Да развѣ она... она пара...

ПЕРЧИХИНЪ.

Она? Петру? Да... что ты, старуха! Да чего онъ стоитъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*Еленѣ медленно*).

Спасибо и вамъ, барыня! Теперь, стало быть, пропалъ онъ! Ему-бы учиться... а теперь... ловко! Хотя я это и чувствовалъ... (*Злобно*). Поздравляю васъ съ добычей! Петька! Нѣтъ тебѣ благословенія! А ты... ты... поймала? Украла? Кошка... парш...

ЕЛЕНА.

Вы не смѣете!...

ПЕТРЪ.

Отецъ! Ты... безумный!

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, стойте! Да, это вѣрно! Да, я сама взяла его у васъ, сама! Я сама... я первая сама сказала ему, предложила жениться на мнѣ! Вы слышите? Вы, филинъ? Слышите?.. Это я вырвала его у васъ! Мнѣ — жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь — это гибель для него! Вы думаете—о, я знаю! Вы думаете,—для себя я сдѣлала это? Ну, думайте... Охъ! Какъ я васъ ненавижу!

ТАТЬЯНА.

Лена! Лена! Что ты?

ПЕТРЪ.

Елена... идёмте!

ЕЛЕНА.

Знаете, я еще, можетъ быть,—не обвѣнчаюсь съ нимъ... Вы рады, да? О, это очень можетъ быть! Вы не пугайтесь прежде времени! Я буду такъ, просто жить съ нимъ... безъ вѣнца... но вамъ не дамъ его! Не дамъ! Вы—болѣе его не станете мучить, нѣтъ! И онъ не придетъ къ вамъ—никогда! Никогда! Никогда!

ТЕТЕРЕВЪ.

Виватъ! Виватъ, женщина!

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Ахъ, батюшки! Отецъ... что это? Отецъ...

ПЕТРЪ

(*толкая Елену къ двери*).

Иди... Идите... уходите... (*Елена, уходя, увлекаетъ Петра за собою*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*безпомощно оглядываясь*).

Вотъ какъ?.. (*Вдругъ громко и быстро*). Полицію зови! (*Топая ногами*). Долой съ квартиры! Завтра-же... ахъ ты!..

ТАТЬЯНА.

Папаша! Что вы?

ПЕРЧИХИНЪ

(*удивленный, ничего не понимая*).

Василь Васильевичъ! Голубь! Что ты это? Чего кричишь? Тебѣ-бы радоваться надо...

ТАТЬЯНА (*подходя къ отцу*).

Послушайте...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А, ты! Ты еще... осталась! Чего же ты не уходишь? Уходи и ты... Не съ кѣмъ? Не куда? Прозѣвала? (*Татьяна, отшатнувшись, отходитъ быстро къ піанино. Акулина Ивановна—растерянная и жалкая—бросается къ ней*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ, — брось! Подумай! Учиться Петръ теперь не будетъ... на что ему? (*Безсѣменовъ тупо смотритъ въ лицо Перчихина и киваетъ головой*). Жить—есть на что ему. Ты денегъ накопилъ... Жена—малина-баба... а ты кричишь, шумишь! Чудакъ, опомнись! (*Тетеревъ хохочетъ*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*воетъ*).

Всѣ покинули! Бросили!

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*оглядываясь*).

Молчи, мать! Воротятся... не смѣютъ!.. Куда пойдутъ? (*Тетереву*). Ты что тутъ скалишь зубы? Ты! Язва! Дьяволъ! Долой съ квартиры! Завтра-же долой! Васъ цѣлая шайка...

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Прочь ты! Несчастный... бродяга...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Таня! Танечка! Милая моя! Хворая ты, несчастная! Что будетъ?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты, дочка, все знала. Ты знала все, молчала. Заговоръ противъ отца. (*Вдругъ какъ-бы испугавшись*). Ты думаешь... не броситъ онъ ее? Бабенку эту? Распутницу... въ жены! Мой сынъ... Проклятые вы люди! Несчастные... безпутные!

ТАТЬЯНА.

Оставьте меня! Не дайте мнѣ... возненавидѣть...

АКУЛИНА ИВАНОВНА.

Доченька! Неудачливая ты моя! Замучили! Всѣхъ насъ замучили... за что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

А кто? Все Нилъ, разбойникъ... подлецъ! И сына онъ смутилъ... И дочь страдаетъ! (*Увидавъ Тетерева, стоящаго у шкафа*). Ты, оборванецъ, что? Ты, что тутъ? Вонъ съ квартиры!

ПЕРЧИХИНЪ.

Василь Васильевичъ! Его за что? Ахъ ты... съ ума свихнулся, старикъ!

ТЕТЕРЕВЪ (*спокойно*).

Не кричи, старикъ! Всего, что на тебя идетъ, ты не разгонишь... И — не безпокойся... Твой сынъ воротится...

БЕЗСѢМЕНОВЪ (*быстро*).

Ты... ты почемъ знаешь?

ТЕТЕРЕВЪ.

Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты, — онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить,— какъ ты,—спокойно, разумно и уютно...

ПЕРЧИХИНЪ (*Безсѣменову*).

Видишь? Чудакъ! Горячка! Человѣкъ тебѣ добра желаетъ... ласковыя слова говоритъ для твоего покою... а ты—орешь! Терентій,—онъ, братъ, мудрый человѣкъ...

ТЕТЕРЕВЪ.

Онъ переставитъ мебель и—будетъ жить въ сознаніи, что долгъ свой передъ жизнью и людьми отлично выполнилъ. Онъ, вѣдь, такой же, какъ и ты...

ПЕРЧИХИНЪ.

Двѣ капли воды!

ТЕТЕРЕВЪ.

Совсѣмъ такой... трусливъ и глупъ...

ПЕРЧИХИНЪ (*Тетереву*).

Постой! Ты что?

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Ты... говори, а не ругайся... какъ смѣешь!

ТЕТЕРЕВЪ.

И жаденъ будетъ въ свое время и такъ же, какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ. (*Перчихинъ удивленно гля-*

дитъ въ лицо Тетерева, не понимая—утѣшаетъ ли онъ старика, или ругаетъ его. На лицѣ Безсѣменова тоже недоумѣніе, но рѣчь Тетерева интересна ему). И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ такъ же, какъ ты теперь... Жизнь идетъ, старикъ,—кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокимъ...

ПЕРЧИХИНЪ.

Чу! Слышишь? Стало быть,—все идетъ, какъ надо... а ты сердишься!

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Постой, отвяжись!

ТЕТЕРЕВЪ.

И такъ же вотъ несчастнаго и жалкаго сына твоего не пощадятъ и скажутъ ему правду въ лицо, какъ я тебѣ говорю: чего ты ради жилъ? Что сдѣлалъ добраго?—И сынъ твой, какъ ты теперь, не отвѣтитъ...

БЕЗСѢМЕНОВЪ.

Да... ты вотъ говоришь тутъ... ты всегда складно говоришь! А что въ душѣ? Нѣтъ, я тебѣ не вѣрю. И—все-таки,—съѣзжай съ квартиры! Будетъ... терпѣлъ я васъ довольно! И ты тоже... многое тутъ внушилъ... вредное мнѣ.

ТЕТЕРЕВЪ.

Эхъ, кабы я! Но, нѣтъ, не я... (*Уходитъ*).

БЕЗСѢМЕНОВЪ

(*встряхивая головой*).

Ну... будемъ терпѣть... ладно! Будемъ ждать... Всю жизнь терпѣлъ... еще будемъ терпѣть! (*Идетъ въ свою комнату*).

АКУЛИНА ИВАНОВНА

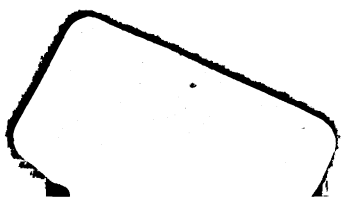
(*бѣжитъ вслѣдъ за мужемъ*).

Отецъ! Милый ты мой! За что насъ дѣтки-то? За что казнили? (*Уходитъ въ свою комнату. Перчихинъ стоитъ посредине и недоумѣвающе моргаетъ. Татьяна дикими глазами озирается вокругъ, сидя на стулѣ у піанино. Изъ комнаты стариковъ доносится глухой говоръ*).

ПЕРЧИХИНЪ.

Таня! Тань... (*Татьяна смотритъ на него, не отвѣчаетъ*). Таня! Изъ-за чего они—которые разбѣжались, которые плачутъ? А? (*Смотритъ на Татьяну, вздыхаетъ*). Чудаки! (*Смотритъ на дверь въ комнату стариковъ, идетъ по направленію въ сѣни, качая головой*). Пойду, инъ, къ Терентью... Чудаки!

(*Татьяна, медленно сгибаясь, облокачивается на клавиши. Въ комнатѣ раздается нестройный, громкій звукъ многихъ струнъ и—замираетъ*).

Занавѣсъ.

SEP 2 9 1943